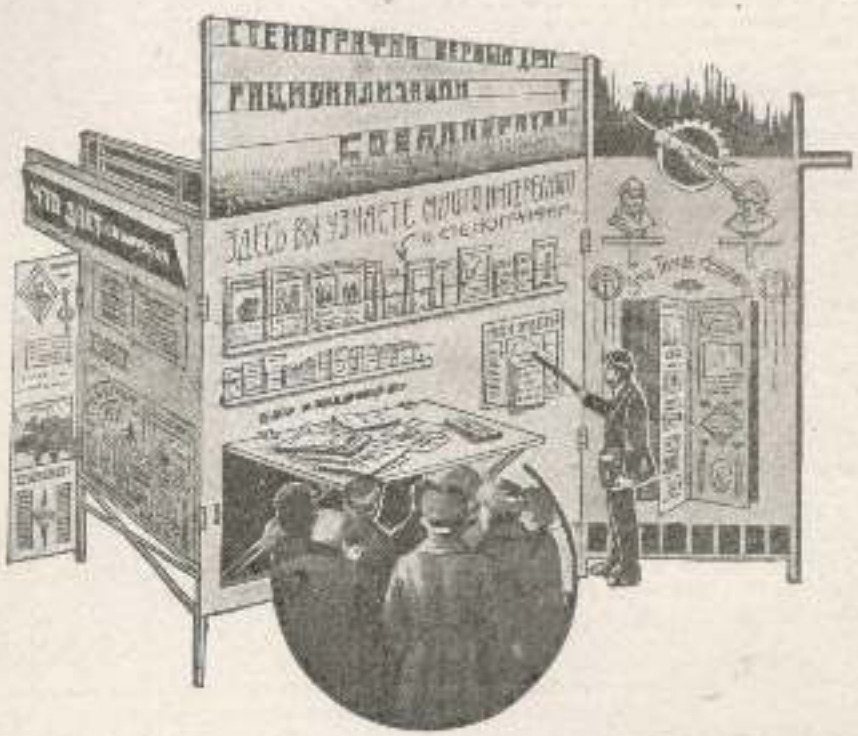
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ

№ 9 (21) МОСКВА 1926

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ОБЩИЙ ОТДЕЛ

К XIV Международному стенографическому конгрессу 1

НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ

О нажиме — В. Тихомиров 3
Заочное обучение, консультации и самообучение — Я. Енфанов 4
Еще о заочном обучении стенографии — И. Протасов 7
Разбор переработки А. Г. Гильдебрандта по системе Терко — И. Рейнилер 10
Наша работа — Воскресенский 13

ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ

Стенмашина — И. Дауман 15
О записях — Л. Гельфенбейн 17

ДЛЯ УЧАЩИХ И УЧАЩИХСЯ

Несколько замечаний старого практика — М. Масленникова 20
Вредный уклон — М. Эрлих 22
Предметно-методические комиссии должны подтянуться — Учащийся 23
«Муки творчества» и муки изучения — И. Зильберман 24

ПРОФРАБОТА

[illegible] — Г. [illegible] 25

ПО СССР

Наши стенколлективы в Р. С. Ф. С. Р.: Москва, Ленинград, Рязань, Курск, Пенза 28
Памяти Э. Ф. Шнерера — Л. Гельфенбейн 31

ЗА РУБЕЖОМ

Древне-египетский контракт с преподавателем стенографии; О стенографическом рабочем движении в Германии; Новейшая стенографическая машина; Чтение стенографической литературы 37

В редакцию Журнала „ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ“

Московский Комитет Стенографов, учитывая острую нужду в агитации за рациональное применение стенографии особенно в данный момент, в связи с режимом экономии, — вносит при сем 62 руб. (шестьдесят два рубля) и просит открыть прием взносов в фонд агитпропаганды стенографии.

Вызываем Харьковский Комитет Стенографов!

Председатель Москов. К-та Стенографов **Косенко.**
Секретарь **Цейдлер.**

Стенография-письмо будущего

ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ

ОРГАН ЦК ПРОФСОЮЗА СОВСЛУЖАЩИХ
по Всяческой профессиональной стенографии

Год изд. 4-й. Сентябрь 1926 г. 9 (21).

К XIV Международному стенографическому конгрессу.

Итак, 18-го сентября сего года в Милане открывается XIV Международный стенографический конгресс. Было основание думать, что он может и не состояться. Однако, в одном из последних номеров итальянского стенографического журнала «Battaglie Stenografiche» председатель подготовительного комитета проф. Бено де Векеле опубликовал официальное приглашение участникам конгрессов. При этом он указывает на то, что Италия, колыбель стенографии, страна Тирона, щедрым принимает у себя быстрописцев всего мира. К концу он пишет, обращаясь к участникам конгресса:

«Стенографическая Италия знает, что Вы в превеликом числе и с воодушевлением в сентябре окажете ей честь *своим присутствием. Я горд Вас уве*рять, что наша гостеприимная страна будет счастлива принять Вас у себя и обрести в XIV интернациональном конгрессе один из светлых и чистейших факелов столь желанного всеобщего мира».

Программа конгресса в общих чертах такова:

18 сентября, в субботу, предварительное собрание, намечено председателей различных отделений.

19 сентября, в воскресенье — торжественное открытие конгресса, которое закончится поездкой на озеро Комер.

20 сентября заседают до обеда историческое и техническое отделения, после обеда — секции парламентской стенографии, стенографии в прессе, в суде и коммерческой стенографии.

21 сентября до обеда — отделение стенографического образования, после обеда — осмотр города Милана.

22 сентября — заключительное заседание, после чего состоится собрание Комитета Связи, органа международных конгрессов, действующего в промежутки между конгрессами. В заключение будет осмотрена открытая с 18 по 22 сентября выставка стенографических материалов и пишущих и стенографических машин.

1-й международный стенографический конгресс состоялся в Лондоне в сентябре 1887 года. С тех пор в течение десятилетий и до сих пор, время от времени, в разных городах разных стран мира открывались эти съезды работников «летучего пера». При этом обычно подчеркивалось, что съезды имеют характер научный, и научное поприще не знает ни политических, ни геогра-

фических прогрэл. Однако, до сих пор Россия не принимала участия ни в одном из этих конгрессов. По отношению к дореволюционному периоду факт этот сам по себе понятен. Слишком ничтожна была роль стенографии в царской России, слишком слабо было тогда стенографическое движение. Иное дело теперь. Теперь стенография переживает в нашей стране период расцвета, теперь к ней привлечено внимание широких кругов, теперь и государственные органы, в лице Наркомпроса, и профессиональные, в лице Центрального Комитета Проф. союза совторгслужащих, уделяют большое внимание вопросам стенографии.

Стенографические журналы обычно в России не выживали дольше нескольких номеров. У нас же, в СССР, уже 4-й год выходит журнал «Вопросы Стенографии», являющийся межсистемной трибуной всех работников стенографии нашего союза, пользующийся их неизменной поддержкой.

И, все же, наших представителей на ныне созываемом XIX международном конгрессе в Милане не будет. Правда, нам известно, что отдельные приглашения странам не рассылались,—но тем не менее в Милане при желании могли бы вспомнить о том, что Россия не разу не принимала участия в конгрессах, а появиться впервые на одном из конгрессов без приглашения для стенографов Советского Союза было неприемлемым. Этого, очевидно, не захотели понять устроители конгресса, подпавшие в своей «гостеприимной стране» факса «столь желанного в с е о б щ е г о мира».

Мы считаем, что от этого потеряли не только мы. Потеряли также и те, которые ничего не узнали о стенографическом движении на 1/6 части земного шара, занимаемой нашим Союзом. Нам есть что рассказать о стенографической жизни в СССР. Развитие стенографии сделало у нас за последние годы большие успехи и имеет свои совершенно оригинальные черты, о чем было бы небезынтересно узнать нашим зарубежным коллегам.

Но мы не сомневаемся, что рано или поздно советские стенографы войдут в семью участников международных конгрессов, ибо иначе все разговоры о научном единении собратьев искусства «летучего пера» на международной арене явились бы пустыми фразами.

А. Ю.

НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ

О нажиме.

(По поводу статей тт. Бурлакова и Юрковского).

(В дискуссионном порядке).

Чем дальше продвигалася работы комиссии по выработке унитарной системы, тем ожесточеннее становится борьба вокруг основных принципов «единой». В этой борьбе вопрос о нажиме является одним из центральных. Вопрос настолько серьезный, что даже наиболее крупные наши авторитеты изгнали необходимое равновесие и в силу борьбы не всегда бывают в достаточной степени беспристрастны.

Наиболее показательной в этом отношении является полная противоречий статья т. Бурлакова в ответ «безнажимщику» т. Будкевич, помещенная в № 7 журнала. Предварительно признав, что т. Будкевич «метко и основательно у ж е вбила осиновый кол в могилу, предназначенную для нажима», т. Бурлаков пытается, однако, воскресить свое любимое детище, объявляя утверждение т. Будкевич, что опытные практики отказываются от нажима, «недоразумением».

Т. Бурлаков уверяет, что «нажим легко удается делать везде, где это требуется».

Где же это требуется? — «Утолщать можно линь нажим, идущий сверху вниз в направлении действия пальцевых и кистевых сгибателей».

Но, если это так, то применяя нажим для символизации, мы, естественно, будем иметь те же знаки и в их первоначальном значении, т.-е. без нажима, а так как «безнажимное» письмо неестественно, а потому, несомненно, вредно», то мы, следовательно, получим письмо «полувредное», ибо не будем делать нажимы там, где они необходимы в силу строения нашей руки, т.-е. «в направлении действия пальцевых и кистевых сгибателей».

Необходимость постоянного контроля над теми нашими действиями, которые обычно протекают бессознательно, несомненно потребует «психического, а, следовательно, и физического усилия», как правильно замечает т. Будкевич, и, значит, утверждение т. Бурлакова, что нажим дает недоступную для безнажимных систем краткость начертания, является самообманом: ведь дело не в кратком н а ч е р т а н и и слова, а в количестве энергии, затрачиваемой на его написание. «Нажим же также требует движения руки, но не на поверхности, а вглубь», говорит т. Будкевич, и это несомненно интересное положение обходится т. Бурлаковым молчанием.

Молчит т. Бурлаков и о том, как же быть, если обучающийся стенографии обладает «широким» почерком? Отдать его на несколько лет каллиграфу «для исправления»? Но, помимо неудобства такого разрешения вопроса, возможно ли это вообще? Права т. Будкевич, когда говорит, что «в почерке, несомненно, проявляются некоторые физиологические и психологические особенности пишущего, его характер». А возможно ли «переделать» характер взрослого человека, да и есть ли в этом «смысл»?

Далее, т. Бурлаков, соглашаясь с т. Будкевич в том, что практики в процессе работы отказываются от нажима, пытается объяснить это явление иными мотивами, чем т. Будкевич: происходит, видите ли, «естественный отбор», и нажимы исчезают из практики стенографа как ненужный ему (и обременяющий его?) балласт.

Но, ведь, если нажим так хорош, «способствует беглости письма», «дает отдых руке», что «им легко управлять даже в самом быстром письме», что «он свойственен руке человека» и т. д., и т. д., то зачем же отказываться от него практику, хотя бы из чисто-графических соображений, если уж не из соображений грамматических?

Дело, однако, объясняется очень просто: «нажим деформируется, т.-е. исчезает». Попросту говоря, стенограф отказывается от нажима.

«Но, — заявляет далее т. Бурлаков, — и на это я и хочу обратить внимание — исчезают не все нажимы, а лишь те, отсутствие которых не особенно затрудняет

стенографа при расшифровании стенограммы».

Как же это так? С каких это пор стенограф приобрел способность по своему желанию преодолевать деформацию знаков? Да если бы это и было возможно, то только ценой слишком большого усилия — не стоит овчинка выделки...

Т. Бурлаков заявляет, что «будущий конкурс покажет, какие системы возьмут верх: нажимные или безнажимные». Вряд ли конкурс сможет осветить этот вопрос: каждая система, кроме нажима, обладает целым рядом своих особенностей, и трудно будет установить, какая из этих особенностей имеет преобладающее значение. Если, скажем, победит система Габельсбергера, то будет ли это означать «торжество» нажима?— Конечно, нет.

Мне вспоминается, как на одном из собраний МНСО единомышленник т. Бурлакова А. М. Юрковский, выступая с критикой доклада т. Репина о его новой системе упрощенного письма, обронил знаменательную фразу о том, что «нажим в системе Габельсбергера потому и хорош, что его можно не применять», чем вызвал невольную улыбку у всех—и приверженцев и противников нажима.

Вернее всего, что вопрос о нажиме будет разрешен не конкурсом, а здравым смыслом.

Говоря о деформации нажима, но н е в с е г д а, а и н о г д а (деформация по желанию стенографа?), т. Бурлаков заблудился между двух сосен: стремление во что бы то ни стало оправдать нажим привело его к явной путанице. Если «нажим в системе Габельсбергера потому и хорош, что его можно не применять» (символизация гласных), то при символизации нажимом согласных, как о том говорит т. Бурлаков, и это его преимущество отпадает...

Т. Бурлаков является «славянофилом», он не любит бегать к «варягам»: оглянитесь, дескать, вокруг и вы увидите много интересного и достойного.

Совсем другое дело его «единомышленник т. Юрковский: он «западник», «кустарничество» наших «славянофилов» ему не по вкусу, он советует не открывать открытых Америк, а поучиться у Запада (см. его статью в № 5—6).

Но, оказывается, и на Западе есть «интересное и достойное»: «большой авторитет в вопросах теории стенографии» Ф. фон Куновский (по Соколову — «мелкий авторитет», — см. его статью в том же номере) порадовал т. Юрковского «последними достижениями в области стенографии». «Куновский вводит нажим, как один из полноправных графических элементов, ни словом не упоминая ни о его замедляющем действии, ни о его неграфичности».

«Таким образом, говорит т. Юрковский, должно отпасть» и т. д., и т. д.

Всего лучше это «таким образом»: вопрос разрешен окончательно, подкреплен мнением «большого авторитета», и не о чем больше спорить.

Но вот что говорит т. Будкевич в своей статье «Откуда пошло безнажимное письмо»: Ф. Куновский в сентябре» п/г. выступил со своей программой «общедоступной краткописи», в пункте четвертом которой говорится: «н е п р и м е н я т ь н а ж и м а и других н е у д о б н ы х п р и е м о в для существенных звуковых различений»*).

С одной стороны нажим — полноправный графический элемент, с другой стороны — неудобный прием...

Российские теоретики! не увлекайтесь слишком борьбой и пользуйтесь поосторожней мнением европейских «больших авторитетов»!

В. Тихомиров.

Заочное обучение, консультация, и самообучение.

(В дискуссионном порядке).

Вопрос об изучении стенографии лицами, не имеющими возможности изучить ее на курсах, под личным руководством преподавателя, является одним из злободневных вопросов стенобразования.

Мыслимы три вида самостоятельного изучения стенографии: 1) заочное обучение, 2) консультация и 3) самообучение.

Посмотрим, в чем состоят особенности каждого из этих видов, и какие результаты каждый из них дает и может дать.

---

*) Ссылка на Куновского и у т. Юрковского и у т. Будкевич, при доказательстве самых противоположных мнений, основаны на трудах г. Куновского, который, как указывала т. Будкевич в своей статье непоследователен в своем отношении к нажиму, то допуская его, то отвергая. Ред.

1. Заочное обучение.

Заочное обучение состоит в том, что слушателю, находящемуся в другом городе, курсы сообщают те же знания и по той же программе, как и слушателям, обучающимся в группах.

Таким образом, как будто получается, что заочное обучение стенографии не представляет ничего особенного и вполне возможно, так же, как обучение в группах.

Но при ближайшем рассмотрении выясняется целый ряд особенностей заочного обучения, которые вызывают некоторые сомнения в его целесообразности.

Прежде всего, заслуживает внимания самый метод изучения стенографии без личного руководства преподавателя. Он предусматривает самостоятельную проработку посылаемого слушателю материала. Посмотрим, насколько это является достаточным для достижения тех результатов, которые получаются при занятиях в группах.

При изучении теории те лекции, которые преподаватель читает в группе устно, посылаются заочному слушателю в письменной форме. Все работы слушателя просматриваются и исправляются преподавателем, на все недоуменные вопросы даются исчерпывающие ответы, и те замечания, которые преподаватель сделал бы по каждой работе слушателю в группе, он делает в конце работы заочного слушателя. Таким образом, при изучении теории положение заочного слушателя мало отличается от положения слушателя в группе, и даже имеет некоторые преимущества: он имеет под руками лекцию, где ясно формулированы все правила, даны примеры стенографического начертания слов, подходящих под каждое правило, дан текст для стенографирования и расшифровки. Благодаря этому, у него создается более цельное впечатление от лекции, и он может проработать ее не хуже слушателя в группе, где слушатель, прослушав не всегда внимательно объяснения преподавателя, потом прорабатывает отдельные правила по классным черновикам и случайным заметкам.

При переходе к списыванию все объяснения начертания отдельных слов, даваемые преподавателем в группе, сообщаются также, но в письменной форме и также сопровождаются стенографическим их начертанием. Поэтому и при изучении этого отдела положение заочного слушателя мало отличается от положения слушателя в группе.

При переходе к письму под диктовку заочному слушателю посылаются лекции с текстом для письма под диктовку на скорость, с учетом времени. Здесь положение заочного слушателя значительно разнится от положения слушателя в группе. Когда занимается группа, то слушатели объединяются в небольшие кружки в 2—5 человек, занимаются вместе, диктуют друг другу по очереди, в группе возникает соревнование, более сильные подтягивают слабых, умелое руководство вселяет бодрость, и группа занимается дружно. Совсем в другом положении находится при занятиях под диктовку заочный слушатель. Он занимается один. Хорошего диктовальщика найти трудно, и часто приходится заниматься путем «самодиктовки». Скорость прибавляется медленно; нет непосредственного руководства, нет соревнования, нет поощрения. Все это приводит к тому, что заочному слушателю значительно труднее, чем слушателю в группе «нагонять» скорость и достичь успешного результата.

Практические работы с несомненностью подтверждают тот факт, что теория усваивается заочными слушателями основательно, и качество их самостоятельных работ даже несколько выше работы слушателей в группах. При списывании, при основательном усвоении теории и хорошем знании русского языка, результаты также получаются хорошие. Что же касается работ под диктовку, то скорость у заочных слушателей прибавляется медленнее, чем у слушателей в группах, что в значительной степени влияет на результаты заочного обучения.

По всем изложенным обстоятельствам, заочное обучение, конечно, не может дать тех же результатов, как обучение в группе.

Посмотрим, что же оно дает. Обратимся к цифрам и посмотрим, какие результаты дает заочное обучение в отношении % прекращающих занятия, в какой стадии слушатели прекращают занятия, какой % оканчивает и т. д.

Если взять опыт заочных курсов «Полиглот», то на 1/V—26 г. мы имеем следующие цифры *(смотри таблицу на стр. 6-ой)*.

Эта таблица говорит о том, что 50% записавшихся прекращают занятия в различной стадии. Половина этого числа выписывают только первые лекции и работ совершенно не присылают, 13% прекращают занятия, не дойдя до теории сокращений.

	Не приступали работ.	Выбывали 1—13 декад.	Выбывали 14—19 декад.	Выбывали 20—30 декад.	Выбывали 31—40 декад.	Выбывали все декады.	ИТОГО
Записалось	110	201	23	31	22	18	405
Прекр. занятия . . .	110	53	12	10	10	—	195
Учится	—	148	11	21	12	18	210
% прекрат. к числу записавшихся . . .	23%	13%	5%	5%	5%	—	50%

Дальше % прекращающих—равномерный—4% для каждого из отделов: теории сокращений, списывания и диктовки.

Прошедших полный курс; частично подвергшихся испытанию и готовых к экзамену — 18 чел., что составляет к числу записавшихся до 1/V—25 г. (при годичном сроке обучения) и присылавших работы — 15%.

Для того, чтобы судить, насколько такой % оканчивающих является ничтожным, обратимся к сравнению с положением в группах. Средний % оканчивающих в группах к числу поступавших составляет, примерно, 50—20%. Заочное обучение, принимая во внимание целый ряд «объективных» (а иногда и «субъективных») условий—дает успеваемость слушателей наполовину против обучения в группах.

Конечно, можно спорить о ничтожности % оканчивающих заочно, но этот вывод еще не окончательный, так как главная масса еще учится. Кроме того, опыт показал, что некоторые, оканчивавшие заочно, пройдя через испытательную комиссию, по Московской Инструкции, получали квалификацию не только на 75, но и на 90 слов.

Теперь посмотрим, что представляет собою Консультация.

Консультация.

Консультация представляет собою помощь изучающему стенографию по самоучителю. Она оказывается авторами самоучителя или общественной организацией и состоит в даче письменных ответов на индивидуальные вопросы, возникающие у обучающегося в процессе занятий по самоучителю.

Таким образом, пользуясь Консультацией, обучающийся фактически занимается самостоятельно, и только в случае сомнений или затруднений обращается за Консультацией. Отсюда ничтожен вывод, что Консультация не берет на себя никаких обязательств по отношению к обучающемуся и по стремится довести его «до победного конца».

Вот здесь-то и заключается слабая сторона Консультации. Правильно ли прорабатывает обучающийся по самоучителю преподанный ему материал, правильно ли делает, насколько сокращенно, насколько быстро, все это может совершенно ускользнуть от Консультации, куда будут поступать только отдельные запросы. Чтобы лучше обслужить обращающегося за разъяснением, иногда бывает необходимо быть в курсе его занятий и успехов. И здесь Консультация, как метод занятий, теряет свою ценность: добросовестная и регулярная Консультация превращается в заочное обучение (за исключением целевой установки), а формальное отношение к Консультации превращает ее в самообучение, где почти все подлежащие вопросы можно предусмотреть в предисловии к самоучителю. Проверка п р а в и л ь н о с т и усвоения самоучителя при Консультации отсутствует.

К сожалению, опыта применения Консультации у нас почти нет. Консультацией можно назвать ответы на запросы заочных слушателей в процессе проработки ими отдельных лекций, но такая Консультация дается в связи с общими достижениями слушателя и является частью заочного обучения.

Теперь посмотрим, что представляет самообучение.

Самообучение.

Самообучение предполагает вполне самостоятельную проработку какого-нибудь самоучителя. Отсюда — требование к самоучителю: чтобы он сообщил в с е, что необходимо для того, чтобы достигнуть успеха. Но так ли это бывает на самом деле? Большинство самоучителей излагает только т е о р и ю. Некоторые — дают материал для письменных упражнений. Но разве этого достаточно? Ни один самоучитель не составлен применительно к требованиям, предъявляемым к лицам, претендующим на звание стенографа. Обыкновенно в самоучителе содержится материал, который при занятиях в группе прорабатывается в те-

менее первых 2—4-х месяцев, т.-е. он дает только основы стенографии и очень кратко. Он может хорошо познакомить с системой стенографии, научить вырисовывать отдельные слова, а иногда и фразы по правилам теории, и дальше предоставляет обучающегося самому себе. Поэтому, самоучитель представляет не столько руководство для овладения стенографией, сколько пособие для ознакомления с определенной системой или разработкой.

Правда, в свое время самоучитель сыграл свою почетную роль: по нему обучался не один стенограф-практик. Но теперь пора уже признать, что самоучитель постепенно должен уступать свое место другим, более совершенным методам обучения, особенно в связи со все повышающимися требованиями, предъявляемыми к стенографам.

Заключение.

Из всех этих рассуждений можно сделать следующие выводы:

Прежде всего, всякое обучение стенографии без д и р е к т о г о руководства преподавателя может дать результаты значительно меньшие, чем обучение в группе.

Какой же из вышеперечисленных видов сообщения знаний является более совершенным? Конечно, тот, который может дать бо́льшие результаты — заочное обучение. Но это, конечно, не значит, что только заочное обучение имеет право на существование. Вопрос о выборе метода самостоятельного изучения стенографии зависит от тех требований, какие предъявляет к нему обучающийся.

Тот, кто хочет изучить стенографию вообще, может удовлетвориться самоучителем. Но если он думает изучить ее более основательно и чувствует потребность в некотором руководстве, может воспользоваться консультацией. Если же он желает изучить стенографию под постоянным руководством, чтобы затем получить квалификацию стенографа,— он будет стремиться изучить стенографию по способу заочного обучения.

Самым лучшим было бы такое положение, когда заочное обучение, консультация и самообучение сосредоточены в одной организации при курсах стенографии, имеющих отделы: заочного обучения, консультации и издания курс стенографии. Таким образом, каждый желающий может изучить стенографию по любому методу и с любого метода перейти на более для него подходящий, а при возможности — даже закончить обучение в группе.

Стенографическая школа в широком смысле должна стать более эластичной, не отставать от жизни и отвечать запросам слушателей.

Я. Евфанов.

Еще о заочном обучении стенографии.

Более полгода прошло со времени моей статьи о заочном обучении, в конце которой я обещал дать ответ на вопрос, как должно быть построено руководство самообучением и консультация по стенографическому образованию (см. № 1/13 «В. С.», стр. 22). Я вполне сознательно задержался с окончанием статьи, чтобы дать возможность высказаться на страницах нашего журнала всем, имеющим свою точку зрения на этот вопрос, до моего «заключительного слова».

Первой появилась в № 2/14 «В. С.» статья тов. Д. С. «Тех же щей, да пожиже влей», в которой он возражает против самой идеи консультационной помощи самообучающимся, последовательно утвержденной Культотделом ЦК и Главпрофобром РСФСР. На отклика, на поддержку это «особое мнение» на страницах журнала не получило, за исключением краткого разъяснения существа нашей идеи, целесообразности ее, сделанного тов-у Д. С. одним из сторонников ее, тов. А. П. (№ 3/15 «В. С.», стр. 15—16).

Солидаризируясь вполне с доказательствами и выводами тов. А. П., я не согласен лишь с тем местом его статьи, где он по вопросу о том, по какой системе рекомендовать самообучение и нужно ли рекомендовать вообще какую-либо систему, с легким сердцем от этого вопроса отмахивается словами: «Это вопрос не существенный». Нет, для всех, работающих над серьезной постановкой стенообразования, это весьма и весьма существенный, хотя и трудно разрешимый вопрос, и правильно организованное консультационное бюро по стенообразованию должно, прежде всего, на него дать вполне сознательный и продуман-

ный с научно-стенографической точки зрения ответ.

Эти две статьи дискуссионного характера, не освещают достаточным образом существо проекта консультационной помощи самообучающимся. Поэтому моей задачей, правда несколько запоздалой, является восполнение пробела по этому вопросу и представление наших читателей.

Придя к выводу о недопустимости метода заочного обучения по образцу курсов «Политлото» (Ростов/Д.), Писаревского (Ленинград) и т. п., Бюро по разработке вопроса о заочном обучении стенографии, считаясь со значительным интересом, который проявляется со стороны населения СССР к стенографии, решило, что по примеру консультации по самообразованию, юридической и медицинской, необходимо организовать такую консультацию и по стенографии, которая могла бы всем, обращающимся к ней за разъяснениями и советом (что такое стенография, какую систему избрать для самообучения, на какие курсы поступить, как достичь скорости, как устранить те или иные затруднения при учебе), давать толковые, основанные на научно-стенографической правде ответы. До сих пор роль такой организации отчасти выполняли Центральная Стенокомиссия при ЦК СОПС и редакция журнала «В. Ст.», вынужденные отвечать на целый поток разнообразных запросов с мест.

Но поскольку эта научно-методическая работа не являлась непосредственной функцией этих, по существу, профессиональных организаций, и потому не могла быть надлежащим образом развернута, поскольку в нее не были втянуты часто-научные стенографические организации, как Высшие Государственные Курсы Стенографии и Московское Научно-Стенографическое Общество, — с момента закрытия, по нашему ходатайству перед Главпрофобром, целого ряда неоправдавших себя частных курсов заочного обучения стенографии, явилась необходимость создать специальную общественную авторитетную организацию, могущую заняться делом консультации. Было разработано соответствующее положение о таком консультационном бюро по самообучению, основные моменты которого сводятся к следующему: 1) бюро может быть организовано только государственными или общественными курсами стенографии или организациями; 2) бюро может заниматься лишь руководством самообучающимся стенографии, но отнюдь не заочным обучением; 3) в состав педагогического совета при бюро должны входить, кроме консультантов, представители: профобра, союза (Стенкомиссии, к-та стенографов) и научно-стенографической организации; 4) учебно-консультационная часть бюро работает автономно от хозяйственно-финансовой во избежание коммерческого давления. Препроводивши это положение вместе с типовым планом и программой самообучения по стенографии на утверждение Главпрофобра, ЦК отметил необходимость организации такого бюро в ограниченных рамках, в виде опыта, так как необходимо было на практике проверить, насколько такое бюро может справиться с поставленной перед ним задачей.

При утверждении проекта у Главпрофобра РСФСР выявилось некоторое принципиальное расхождение с ЦК, ибо Главпрофобр, считал, что к делу постановки консультационной помощи самообучающихся можно допустить так же, как и при очном обучении, частных лиц с их капиталом. ЦК же, изучавший хорошо деятельность частных курсов и их цветистую рекламу, полагал, что в руках частного капитала эта консультация неизбежно превратится в замаскированное обязательство «научить обучавшегося стенографировать с быстротой человеческой речи и избавиться от безработицы».

Правда, в настоящее время эта разница взглядов ЦК и НКПроса на допущение частного капитала к заочному обучению уже, кажется, изжита, ибо сам НКПрос недавно занялся вопросом организации особого института заочного обучения при ВУЗ'ах, который смог бы вытеснить частную инициативу в этом деле. Одним из основных моментов организации заочного обучения по тем предметам, по которым оно вообще допустимо, является принцип, что в подобный «заочный университет» на той или другой отрасли наук могут поступать только лица, работающие по той же специальности на производстве (напр., счетовод может заочно изучать бухгалтерию, но не электротехнику, кооперативному работнику разрешается изучать лишь экономические, но не технические науки и т. п.). Таким образом, система заочного обучения, организуемого НКПросом, «стремится гарантировать себе пригодность заочнообучающегося к изучаемому им предмету и ставит себе целью повышение имеющейся у него квалификации.

К сожалению, мы не можем на этом весьма важном принципе построить заочное обучение стенографии: откуда будет черпать заинтересовавшийся на заочное изучение стенографии факты, облегчающие ему это изучение? Мы знаем, что изучать стенографию нелегко и даже на «очных» курсах, несмотря на личное руководство и помощь педагога и диктовальщика, — большой процент слушателей не достигает желаемого результата. Тем более опасен и труден путь заочного обучения. Вот почему мы не можем брать на себя обязательства по заочному обучению.

Следует ли из этого, что не должно быть и консультации, т.-е. эпизодической переписки по вопросам изучения стенографии, помогающей обучающемуся в наиболее трудные моменты его учебы, но не берущей на себя обязательства довести его до победного конца? Следует ли от идеи консультации отмахнуться громкими словами, что это-де «тех же щей»... — как это сделал т. Д. С., не предложивший ничего реального взамен раскритикованной им консультации? Нет, нельзя. Надо, как это говорит т. А. П. (см. № 3/15), взамен отдалого (заочобучения) дать желающим обучиться стенографии что-то другое (консультацию). Так мыслит и ЦК п/союза, так понимает свою задачу и Главпрофобр и такое же мнение, надеюсь, даже после статьи т. Д. С., создалось у читателей журнала.

Консультация необходима, — об этом говорят многочисленные запросы, получаемые нами с мест, — и Стенкомиссия предложила такую консультацию создать при Высших Государственных Курсах Стенографии. Последние охотно поддержали этот проект, но реальное осуществление его тормозится, вследствие целого ряда причин: нет еще отобранных систем, одобренных и изданных учебников, по которым можно рекомендовать самообучение стенографии, нет больших средств, чтобы сразу развернуть дело. Но учебно-издательский фонд уже создается, ряд новых учебников нашими теоретиками написан и ждет соответствующего просмотра и одобрения. Будем надеяться, что дело это пойдет.

Предположим даже, что это на ВГКС не разовьется, но все равно, мы не должны отдавать его в частные руки. У нас есть еще два выхода: организация консультационного бюро при институте заочного обучения НКПроса или же при редакции н/журнала.

В заключение два слова по поводу статьи тов. Евфанова «Заочное обучение, консультация и самообучение», печатаемой в этом же номере. Статья этого единственного выступавшего на страницах н/журнала защитника заочного обучения только подтверждает все высказанные нами положения о ненужности заочного обучения. Правда, мы видим, что контрабандным путем, несмотря на все постановления и Бюро по изучению заочного обучения стенографии, и декабрьского пленума Стенкомиссии, и Коллегии Главпрофобра, и тов. Евфанову ученики все прибывают (на 105 человек больше, чем было в момент его доклада на Пленуме Стенкомиссии). И ему кажется, что дело заочного обучения еще живет, — пожалуйте, даже результаты есть: уж не 12, как было доложено на Пленуме, а 18 человек, окончивших «теорию» (без проверки квалификации *), заметьте) из общего числа занимавшихся. Право, из-за этих 18 человек, имевших терпение прочитать все наши лекции до конца, но не доказавших путем письма достигнутые ими результаты, не следовало бы вам, т. Евфанов, защищать идею «Полиглота» на страницах профессионального журнала. **И. Протасов.**

*) См. № 4/13, стр. 10, правая колонка.

КАЖДЫЙ СОЗНАТЕЛЬНЫЙ СТЕНОГРАФ
ДОЛЖЕН БЫТЬ ПОДПИСЧИКОМ
ЖУРНАЛА
„ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ“

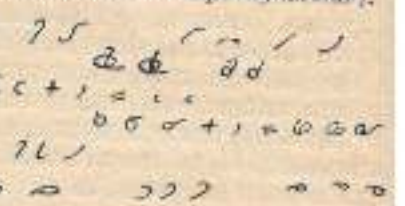
Разбор переработки А. Г. Гильдебранда по системе Терне.

(Курс. «В. С.» №№ 4, 5—6/25 г. и № 1/26 г.)

(В порядке обсуждения).

В 24-м году в Москве появилась книжка Е. Н. Сергиевской, превосходно изданная в Нью Йорке: «Курс Стенографии» по системе Терне, в разработке А. Сапожко. Обучился стенографии по ней и т. Гильдебранд, поместивший страничку по своей переработке системы Терне в нашем журнале. Вся суть «Самоучителя слуховой стенографии», как ее назвал автор, заняла стенографическую страничку, очень мелкого письма в № 4 «В. С.». Зная курс стенографии Сергиевской, я эту страничку рассусоливал месяца два и думаю, что тт., читающие наш журнал, не имеющие под рукой книжки Сергиевской, на которую Гильдебранд часто ссылается, и заинтересованные новой переработкой их родной им системы,— накинулись на ее изучение и поломали зубы. Ибо есть над чем их поломать. Перед стенографической страничкой идут две страницы текста теоретического изложения. Я позволю себе о каждом положении этого теоретического изложения новой переработки по системе Терне дать от себя пояснения, дополнения, дабы сделать их более ясными и понятными.

Автор заявляет, что им — «уничтожена лестница», т.-е. когда же она уничтожена: в конечном письме или еще в начале обучения? Когда в практике перепишешь много, много раз каждое слово со скоростью 80—100 и более слов, то от слова остается почти только намек. По системе Терне намек этот будет — ударный слог, которому предшествует и последует место только характерный значек, выражающий сложную приставку или сложное окончание, — никакой лестницы нет. Если автор имел в виду уничтожение ее при начале обучения, то на той же странице 24-й в столбце «А» он говорит, что оставил алфавит Терне без изменения «для ударного слога, а также для подробно выписываемых слов». Мы подробно выписываем слова трудные, редкие и фамилии. Что же для этих случаев, надо обучиться писать по Терне и с лестницей? и до такой же скорости, какова скорость для остальных слов, написанных не алфавитом Терне, а алфавитом Гильдебранда? Здесь надо поместить слова автора на той же 24-й странице: «Начальным (ударным) согласным даны начертания конечных согласных». У Терне алфавит согласных до-ударных и ударных вертикальный, а конечные согласные более горизонтальные (см. *1-ю страничку клише*).



Гильдебранд эти конечные, легко выписываемые рукою, как более горизонтальные, приближает до удара, но не всегда, ибо подробно выписываемые слова он пишет по Терне с алфавитом вертикальным, а остальные слова с алфавитом горизонтальным. Не говоря уже о недопустимости обучения по одной системе двойным способом, нельзя в процессе письма от одного способа переходить к другому без ущерба для скорости, это сливаться незаметно, если попробовать на себе введенные нововведения. Если же обучаешь другого, то при этом контролируешь себя и лучше усваиваешь предмет, подчас открывая новые стороны и получая более широкий кругозор. Это явление знакомо всем педагогам. Гильдебранда, очевидно, не был в таких условиях и не имел возможности себя проверить.

Такие обрезок, легкость выписываемых горизонтальных линий взамен вертикальных (это есть нововведение Гильдебранда) идет за счет двойного обучения и, в конечном счете, на практике не применимы.

Идем дальше. — «введены сочетания начальных согласных». Автор при сочетаниях согласных пред следующие нововведения:

1) Л, р обводит по обе стороны согласных, причем приведены голые сочетания, но не слова, и нельзя судить насколько удобно руке выводить последующую часть слова, да еще применяя горизонтальные начертания согласных.

2) Как же Л, р написать впереди (*см. 2-ю страницу клише, стр. 10-я наст. №*) это связывает присутствие буквы «Ь». (1-й).

3) Введено полумерное обозначение согласных, что указывает на присутствие буквы «Ь». (2-й).

4) Введено отступление на одномерное расстояние — что опять указывает на присутствие буквы «Н» (3-8).

Кроме того, полумерные согласные иногда пишутся ещё и в одномерном расстоянии.

При большой скорости легко нарушить эти два нововведения: и полумерное обозначение и отступление на одну меру (*см. «В. С.» № 4 стр. 26. Столбец «В» 6, 7, 12, 15, 17, 20 и 3 и 4-ю строчку клише на странице 10-ой восп. №*) и нарушив их, затруднишь шифровку. Всякое же лишнее затруднение шифровки есть минус системы и переработки. В примерах даны только голые сочетания, что не дает судить, насколько удобно применить это в слове, где есть предыдущая и последующая часть слова, с горизонтальными начертаниями согласных.

Кроме того, заметим, что буква «Н» имеет уже 3 символических обозначения, кроме 2-х основных, и приходится всякий раз задуматься — какое применить.

Введены эти 3 обозначения для буквы «Н» для того, чтобы не отклонять согласную влево, чем, по мнению автора, уничтожен наклон в обратную сторону.

Дальше: введены новые сочетания согласных по 3, очень много по 4, и некоторые по 5 согласных. Таких сложных сочетаний 30 (столб. «Г»). Да простых сочетаний по 2 соглас., имеющих совершенно особые начертания, 25 (столб. «В» и «Д»). Эти сочетания начальных согласных до 5 согласных включительно, как видно из столб. «Г» стр. 10-ой (на стенографической страничке), имеют в основе своей начертания из алфавита Терне, его н а ч а л ь н ы х и ударных согласных, с вертикальным начертанием. Но Гильдебранд (в начале статьи) нам заявил, что он начальным согласным дал начертания к о н е ч н ы х согласных, которые Терне применяет после удара, которые более горизонтальные. Заявив это, Гильдебранд дает 30 сложных (до 5 согл.) сочетаний и 25 сочетаний из 2 согласных, и все они и доударные, и все они по алфавиту (вертикальные) Терне. Автор, таким образом, если не сказать, что «противоречит» себе то по крайней мере «не выдерживает». А мое заявление, что по его переработке надо двояко обучиться — подтверждает, так как перед каждым словом, вы должны задуматься, применить ли начальную согласную горизонтально (по Гильдебранду) или вертикально начертания (по Терне), хотя звук вы слышите один и тот же (*см. 5-ю строчку клише стр. 10-ой восп. №*).

В столбцах «Ц» и «Е» Гильдебранд привел сочетания, обозначенные горизонтальными линиями (какие Терне применяет после удара). Таких сочетаний еще 16, совершенно не напоминающих предыдущие 30 и 25. Итого приходится изучить 25, 30 и 16 различных сочетаний и в результате огромное большинство их н и р а з у не придется применить, так как при всем старании я на многие сочетания из 4—5 согласных до удара или совсем не могла подобрать слов или подбирала одно-два.

Можно думать, что автор творил их механически, не щадя памяти обучающегося по «Самоучителю».

Это ли есть упрощение системы!?

Насколько, что даны одни голые сочетания, слов в качестве примеров не приведено, и на мой запрос об этом на заседании Посистемного Объединения их не оказалось и в учебнике Гильдебранда (отпечатанном на машинке); это и есть те новые «высшие сочетания согласных» начальных и конечных, «построенные по одному принципу», о которых заявляет автор на странице 24.

В столбце «Ж» и «З» приведены 13 и 19 окончаний; здесь, наоборот, различные окончания настолько сходны между собою по начертанию, различаясь малейшим недоведением линии или оборота, — что совершенно исключает их применение в скорой письме. Шифровка будет совершенно невозможна. (*«В. С.» № 4 стр. 26 и 6-ая строка клише восп. №*).

Автор говорит, что все они выписываются в направлении движения руки. Но не приведено слов и остается неясным, насколько выделяется граница, отделяющая окончания от предшествующей части слова. Столбец «И» имеет еще 10 окончаний. Итого окончаний 13+19+10. Опять голые сочетания, слов нет. Только со столбца «К» идут словесные примеры, сначала части слов, потом в ст. «Л» отдельные слова, но слова эти отнюдь не поясняют указанные выше затруднения с применением новых сложных сочетаний согласных, введенных Гильдебрандом. Слова эти или очень коротки или часто встречающиеся.

В столбце «М» приведен текст: «Трудящиеся тянутся к знанию» и т. д., он столько раз приводился на ст. «В. С.», что его все знают на память и только поэтому можно отдаленным образом догадаться о слове, которое начерчено стенографически. Ни

слова, приведенные в стол. «Л», из нового текста, написанного в том же роде, прочитать не будет никакой возможности не только нам, но и самому автору, о скорости письма я уже и не говорю.

Вернемся к ст. 24-й, где автор говорит о «густой согласной», т.-е. о нажиме. Это место теоретического изложения о переработке Гильдебранда по системе Терне надо понимать так. Обучаясь по Терне, мы нажим применяем на согласной ударного слога (так ведется обучение), а в дальнейшем, при скорописи у многих лиц он почти везде выпадает (у некоторых лиц нажим не отнимает времени, и они утверждают, что им легче с ним писать). Но при трудных, редких словах мы вспоминаем забытый нажим, чтобы облегчить шифровку редкого слова.

Гильдебранд нажим не уничтожил, а перенес его с места, сдвинул куда попало, «нажимает, где удобно руке», на хвосте, вначале, посредине, где хочешь, где кому удобнее, каждый по своему, а означать это будет, что слово имеет г у с т у ю ударную согласную. Извольте по какой-то интуиции прочитать слово, потом нажим поставьте «на место» (так, как вас обучали вначале курса) и проверьте — верно ли вы прочитали слово. Значит, и при чтении, как и при письме, мы должны проделать двойной процесс мышления. Допустимо ли это?

Наша задача — упростить систему и в смысле обучения, и в смысле письма, и в смысле шифровки. Гильдебранд же идет обратно: от простого к сложному, по всем этим 3 отделам теории и практики: обучиться вдвойне, писать двояко и шифровать в два процесса.

Ведь научившись применять нажим (по Терне) на согласной ударного слога, мы должны это оставить и научиться вновь применять нажим «где удобно руке», но не забывайте и первого обучения, иначе не сможете себя им проверить, и тогда рискуете застрять на первых строках своего письма.

Остается сказать о строке. Нам известно из личных заявлений Гильдебранда, что можно обойтись без строки, «он в своей записной книжке пишет без строки».

Позвольте усумниться, что автор напишет из раскрытой книги любой текст без строки, а затем прочитает то, что он напишет по своей переработке системы Терне.

Итак, мы видим в переработке Гильдебранда: 1) двойное обучение, 2) двойной процесс письма, 3) двойную шифровку, 4) нажим сдвинут, куда кому удобнее, 5) без строки не обойтись, 6) новые «высшие сочетания согласных начальных и конечных» не имеют приложения, 7) буква «Н» имеет 3 символических значения и 2 прямых (по Терне), 8) алфавит двойной, путаный, громоздкий и сильно измененный сложными сочетаниями.

Думаю, что тт. тернисты, обсудив мои замечания, выскажут свои взгляды на переработку т. Гильдебрандом системы Терне.

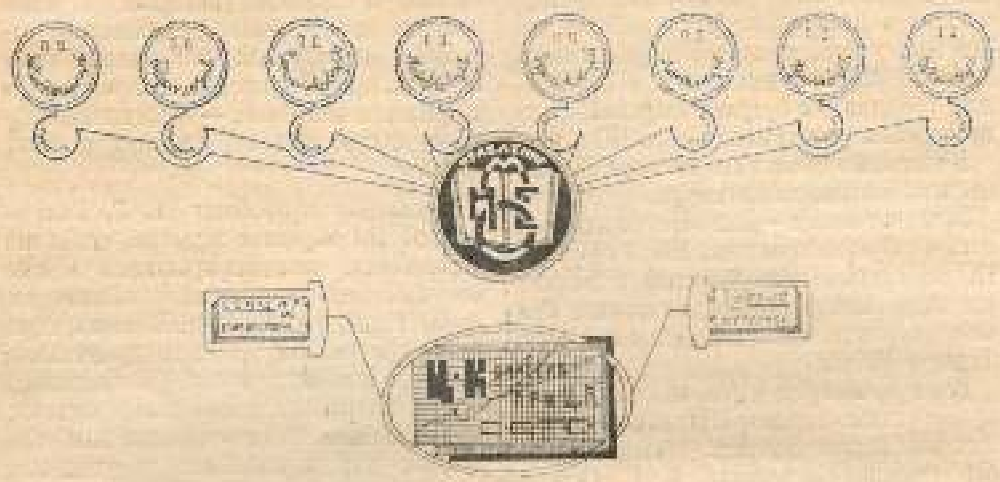
И. Реймиллер.

Тов. СТЕНОГРАФЫ!

ШИРОКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖУРНАЛА „ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ“ — ЕСТЬ ПРОПАГАНДА СТЕНООБРАЗОВАНИЯ

ОТ РЕДАКЦИИ:

Как известно читателям нашего журнала, в январе и феврале текущ. года произошла реорганизация Московск. Научн. Стенографич. Общества (МНСО), схему и связь которого с Центральной Комиссией по вопросам стенографии при ЦК ССТС (с подкомиссией по унитарной) можно изобразить так:



Таким образом Посистемные Объединения являются первичными ячейками, в которых коллективно проделывается вся первая черновая работа в области научно-стенографической мысли. Результаты этой работы собираются и концентрируются в Правлении МНСО. МНСО же тесно связано с Центр. Комиссией при ЦК ССТС и с работающей при комиссии подкомиссией по созданию унитарной. Редакция ставит своей задачей регулярное освещение работы как ПО, так и МНСО на страницах журнала.

Ниже помещаем отчет о работе посистемного объединения терпистов.

Наша работа.

Объединение московских терпистов возникло еще в 1924 г. до 1-ой Всесоюзной Стен. Конференции, когда оно называлось просто «кружком терпистов».

Кружок возник по инициативе Е. А. Лихаревой и А. Г. Гильдебрандт. В кружке принимали участие, кроме указанных инициаторов, парламентские стенографистки — Севостьянова, Е. Н., Гольдберг, стенографисты-практики Селивачев, Б. В., Лутохин, Леман, Герасимова, Е. К., Голубинникова, Успенская, Н. И., и др.

В кружке отсутствовала четкая организация — не было руководящего центра, в виде правления или президиума, а на каждом собрании выбирался председатель и секретарь. Протоколы собраний заносились в тетрадь, и тем дело ограничивалось.

Кружок ставил своей целью и задачей — ознакомление со старыми и новыми переработками сист. Терпе и сравнение их с чистой сист. Терпе, данной ее основателем, знакомство с построением других систем, с их новыми и удачными достижениями в целях дальнейшего совершенствования системы Терпе. В этом направлении кружком проделана большая работа: рассмотрены ряд систем, причем доклады о системах Соколова и Бурлакова делали сами авторы, о системе Сапонько докладывал т. Спесиц,— а также все имевшиеся в кружке переработки нашей системы: Пятницкой, Полторак, Старосельского, Цаумана, Иванова.

Вначале собрания кружка были закрытые, так как происходили на частных квартирах. Затем они были перенесены на В. Г. К. С., где могли присутствовать все, интересующиеся нашей системой.

Так было положено начало нашему объединению.

Наконец, 25 января с. г. было организовано при МПСО постоянное объединение последователей сист. Терне. В него вошли почти все, посещавшие собрания кружка, и много новых лиц из теоретиков, практиков и учащихся. С выбором правления в составе 5 чел. в ПО работа пошла организованно и планомерно; был выработан новый план работы, о каждом собрании велся протокол, заранее намечались и обсуждались повестки дня будущих собраний, стала проводиться регистрация членов ПО и т. д.

В настоящее время в ПО числится 70 чел., внесших вступительные взносы.

За период январь—июнь этого года состоялось 4 собрания правления ПО, 7 собраний ПО со средней посещаемостью в 25 чел., что надо считать вполне достаточным при небольшом количестве последователей сист. Терне в Москве.

Всего рассмотрено и решено около 30 вопросов разного характера. Из наиболее важных необходимо отметить: детальный разбор учебника-самоучителя А. Г. Гильдебранда, связь с местами (так как система Терне распространена и в других городах СССР), рассмотрение и обсуждение Устава МПСО, разбор программы экзаменационных испытаний на звание преподавателя стенографии, вопрос о принципах унитарной системы и др. Было заслушано несколько докладов иногородних-теоретиков (Епифанов — Ростов/Дон, Шиндлер — Курск, Короленко — Киев). Путем переписки и рассылки протоколов места оповещаются о всем, что происходит в Московском ПО.

ПО поставило своей главной и первоочередной задачей на основании ознакомления со всеми переработками системы Терне приблизиться к унификации этих переработок, к созданию единой и, по возможности, совершенной переработки сист. Терне. Задача эта крайне сложная и трудная как по своим теоретическим обоснованиям, так и по техническому ее выполнению в виду того, что большинство теоретиков-тернистов, без связи и поддержки которых нельзя разрешить этот кардинальный в настоящее время вопрос, живет вне Москвы. На нашем объединении лежит огромная и ответственная работа, поскольку система Терне является одной из самых распространенных в СССР. И ясно, что за 6 мес. очень трудно было достичь крупных результатов. Но все-таки начало сделано.

Необходимо указать, что наиболее трудным для нас оказался разбор учебника А. Г. Гильдебранда, содержащий много новых сочетаний, не бывших еще в практике. В виду заострения внимания всех стенсил на унификации переработок каждой системы и создании унитарной, а также желания дать обществу действительно разумно и целесообразно построенный учебник как, с педагогической, так особенно с теоретической стороны, — объединению пришлось сугубо серьезно отнестись к этому вопросу.

Рассмотрев переработку А. Г. Гильдебранда, ПО выразило желание, чтобы эта переработка, сконцентрировавшая в себе все последние достижения в области системы Терне, увидела свет. Конечно, переработка и учебник А. Г. не представляет из себя конечных наших результатов в смысле завершения теории нашей системы, но тем не менее будет очень полезным подспорьем для начинающих и учащихся, а также послужит материалом, который сможет иметь каждый теоретик на местах, для анализа последних достижений в области нашей системы, и тем самым скорее приблизить нас к унификации всех переработок системы Терне. Учитывая все это, Правление ПО дало свой благоприятный отзыв в МПСО об учебнике Гильдебранда.

Нужно отметить, что страничка переработки А. Г., помещенная в № 4/10 за 1925 г. в нашем журнале «Вопросы Стенографии», не дает или дает очень мало понятия о переработке А. Г. Гильдебранда. Его рукописные лекции и учебник-самоучитель, прекрасно исполненные, не оставляют никакого сомнения, что А. Г. проделана большая и серьезная работа.

Такова наша работа за 6 мес. Весенние экзамены и летние каникулы прервали работу нашего ПО, которая сейчас вновь возобновляется.

От внимания и коллективного творчества членов нашего объединения, а также и иногородних товарищей-односистемников зависит развитие наших достижений в области унифицирования системы Терне и выполнения заветов 1-й Всесоюзной Конференции стенографов.

Секретарь ПО **Воскресенский.**

ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ

Стенмашина.

(В порядке обсуждения).

Целью настоящей заметки является дополнить и несколько уточнить сведения о стенмашинах, сообщенные читателям журнала двумя заметками в № 7/9 «К. С.»

Рис. 1. Стенмашина во время отдыха.

Упоминутая в одной из заметок весьма портативная машина Гранжан («Sténotype Grandjean») в несколько раз меньше и легче обыкновенной пиш. машины (см. фотографию), но в принципе она отличается от последней только возможностью при работе на ней выстукивать по несколько букв сразу, чем в известной степени разрешается проблема экспедитного письма. Это достигается тем, что в один и тот же участок бумажной ленты ударяют не более двух буквенных рычагов, иначе говоря, почти каждая буква отпечатывается на своем собственном участке ленты. Как видно из схемы клавиатуры этой машины (рис. 3), теоретически допустимо

Рис. 3.

выстукивание до десяти букв за один удар, но так как сочетания возможны лишь в одном определенном порядке (напр., можно ударить сразу ро, но нельзя — ор), то число возможных полезных сочетаний (аккордов) на практике значительно сокращается и дает в среднем по 2—3 буквы в аккорде. При этом понятно, что не могут ударяться одновременно соответствующие по расположению буквы первого и второго ряда, напр., з п к, р и т и т. д.

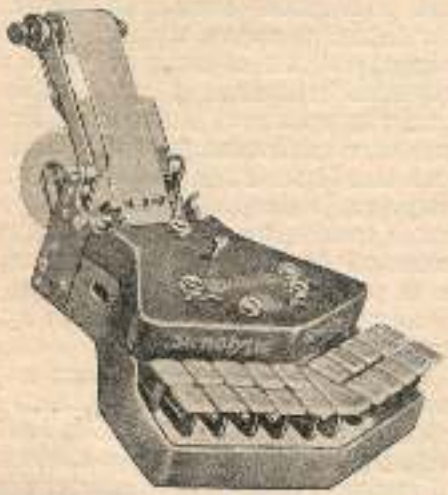


Рис. 2. Стенмашина во время работы.

Другая французская машина — Пижье («Sténophile Pigier») отличается от только что описанной лишь мелкими конструктивными особенностями и несколько иным расположением букв в клавиатуре (рис. 4).

Рис. 4.

Подобные же модели стенмашин выпущены американскими и германскими фирмами.

Что касается «стенографа-автомата» Ковалешкова (заметка в «Огоньке»), то этот аппарат представляет собой род фонографа, но с той разницей, что он записывает звуки не на валике или диске из мастики, как диктофон или граммофон, а на фотографической ленте. Конечно, лента может быть значительно удобнее для продолжительной за-

писи, но способ этот, вероятно, также весьма дорог и громоздок и едва ли выйдет далеко за пределы лабораторных опытов или, наконец, записей особой ценности.

К тому же, и это особенно важно, автомат Ковыленкова, по-видимому, не дает еще механической транскрипции, следовательно, его запись речи не отличается от записи других фонографических аппаратов в том отношении, что *прочесть* ее нельзя, а необходимо *прослушать*.

Для практики автомат Ковыленкова и другие подобные сложные автоматы должны быть еще менее удобны, чем даже общеизвестный диктофон, так как последний хотя и дает лишь очень короткие записи, но не очень сложен, и потому-то он находит себе применение в заграничных конторах.

Однако, диктофон отнюдь не в состоянии упразднить стенографа, как думают многие, и бывает удобен лишь в некоторых случаях, напр., если нужно продиктовать короткое распоряжение, письмо и т. п., а стенографистка отсутствует.

Дальше мы увидим, что стенографы, авторы упомянутых заметок, с одной стороны, переоценивают газетный шум о разных «автоматах», а с другой—недооценивают и искажают значение машины в стенографии.

Прежде всего, стенографическая или стенотипная машина и «автомат-стенограф» — совершенно различные вещи, но одинаково пока еще стенографии не угрожающие, ибо *стенотипная машина вовсе не стремится упразднить стенографа, а только пытается дать ему более удобный и точный инструмент, чем карандаш или перо*, а стенограф-автомат в истинном смысле этого слова... по существу еще не изобретен, и поэтому говорить о какой-либо опасности с этой стороны по меньшей мере преждевременно.

Поэтому, оставляя в стороне вопрос об автоматах, рассмотрим значение стеномашины, стенотипа.

Стенотип в его настоящем виде и при всех мыслимых усовершенствованиях так или иначе требует, чтобы им оперировал человек, умеющий не только слушать с исключительным вниманием, но в то же время тем или иным способом сокращенно записывать все, что он слышит, т.-е. сокращать звуковой состав слова, доводя его до той краткости, которая необходима при всякой стенозаписи, хотя бы и машинной. Таким оператором может быть только стенограф или человек, получивший соответствующую подготовку, подобную стенографической. При этом возникает вопрос лишь о том, может ли каждый из наших стенографов без переподготовки работать на стенотипе. На этот вопрос нужно ответить во всяком случае отрицательно: даже простой переход от письма карандашом на письмо пальцами, на дактилографию, требует известного обучения и тренировки. Тем большая подготовка потребуется стенографу для виртуозного овладения как самой машиной, так и некоторыми особенностями машинного стенографирования: напр., возможностью одних сочетаний и невозможностью других, отсутствием в клавиатуре стенотипа некоторых знаков, принятых в стенографии и т. д. Но с другой стороны, совершенно очевидно, что стенограф может скорее и совершеннее овладеть стенотипом, чем кто-либо другой, ибо ни у кого нет столько готовых навыков для подобной работы, сколько у стенографа.

Переходя к обсуждению ответов на бельгийскую анкету относительно стенотипии *), приходится признать, что они не отличаются большой продуманностью и основательным знакомством с вопросом. Если стенотипия употребляет больше значков (т.-е. — сокращений), чем стенография, то это можно объяснить не какими-либо недостатками стенотипии, а наоборот: при письме точными знаками, какими являются печатные буквы, открывается более широкая возможность составления лексикона сокращений по всяким методам — фонетических, условных, корневых и т. д., так как опасность деформации и неразборчивости знаков сводится здесь до минимума. Утверждение, что количество ударов по клавишам стенотипа больше количества штрихов в стенографии, недостаточно обосновано, ибо если в стенотипии каждый звук выражается отдельной буквой, то можно выстукивать и по нескольку букв за удар (аккорд) — то же самое, но не больше мы имеем и в стенографии.

Опечатки в стенотипной записи встречаются, конечно, чаще, чем в письме на обыкновенной пишущей машине, но если бы опечаток было даже больше, чем ошибочных начертаний у стенографа, то все-таки печатная запись при всяких условиях может быть восстановлена и легче, и точнее рукописи, так как в стенографии даже безошибочные начертания разбираются с известным трудом, и благодаря сходству многих знаков недоразумения очень часты.

*) См. № 7 (19) «В. С.»

Может быть и справедливо мнение, что в стенотипии внимание работающего больше направлено в сторону механики письма, чем в стенографии, по твердых данных и для такого заключения мы не имеем.

Вопрос о четкости, в таком узком смысле, играет как раз основную роль во всей проблеме скорописи. Это доказывается хотя бы стремлением самой стенографии стать сколько-нибудь четкой, создать сколько-нибудь устойчивые знаки. Но это стремление рубленого стенописьма едва ли когда-либо увенчается большим успехом, так как четкость письма, с одной стороны, и скорость и краткость,—с другой, фактически почти непримиримы. Это же, пока безуспешное, стремление стенографии к четкости и породило стенотипы, основой идеей которого является запись печатными буквами — важное положительное свойство, обещающее открыть ему широкие перспективы.

Что касается вопроса о применении одного алфавита к разным языкам, то в этом случае неразумно требовать от стенотипа то, чего мы полностью не получаем и от стенографии. Совершенно ясно, что стенотипы постольку же может быть применим ко всем языкам без изменения его клавиатуры, как и фонетическая стенография без изменения знаков и сокращений.

В частности, к русскому языку едва ли будет возможно применить существующие стенотипы без существенного усовершенствования машины, главным образом ее клавиатуры, так как тех двух десятков клавиш, которых достаточно для французского языка, для русского вряд ли будет достаточно.

К существенным недостаткам стенотипии относится невозможность применения таких специфически стенографических приемов, как знаки приставок и окончаний и различные искусственные сокращения, напр., математические знаки и т. п., а увеличение клавиатуры неизбежно вызвало бы замедление скорости, сокращение автоматичности.

Самым большим отличием стенотипии от стенографии и, пожалуй, ее наибольшим недостатком является техническая невозможность использования ассоциации (главных или согласных) — важнейшее, волосных линий — весьма важного сократительного приема.

Вариантная стенотипная (речепись) в настоящее время по всем данным отличается не большей доступностью, чем в свое время сложные и громоздкие стенографические системы, но как теперь стенография путем усовершенствования методов стала доступной каждому хорошо грамотному и развитому человеку, так нужно думать, что и новое, молодое машинное стенописьмо усовершенствуется и станет общедоступным.

Между прочим, во французской стенографической школе Пижье в одно и то же время имеются классы и стенотипии и стенографии, и это служит лишним доказательством того, что каждое из этих искусств занимает свое особое место, и друг друга они не уничтожают.

Таким образом, если стенотипия в ее настоящем виде имеет еще известные недостатки, то с другой стороны она дает уже основание надеяться, что недалеко то время, когда стенограф сможет освободиться от их неразборчивости своих знаков и перейти на письмо печатными буквами.

А из этого следует, что развитие стенотипии обещает стенографии не смерть и уничтожение, а дальнейшее усовершенствование и расцвет.

И. Дзуман.

О качестве.

(В порядке обсуждения).

Борьба за качество сейчас боевой лозунг. Какое значение придается сейчас осуществлению этого лозунга — видно, хотя бы из того, что правительством создано Особое Совещание под председательством тов. Троцкого, которое занимается специально вопросами качества.

Но когда представляешь себе значение этого, в достаточной мере широкого лозунга, то, прежде всего, является вопрос — насколько применимо понятие о качестве к «продукции» стенографического труда; можно ли говорить о качестве стенографической записи так же, как говорят о качестве кожи, мыла, спичек...

С первого взгляда может показаться, что применение понятия о качестве к продукту труда стенографа — стенографической записи — будет в известной степени искусственным. Ведь, не говорят, например, о ка-

честве работы делопроизводителя, регистратора, статистика и др. работников совнаркомов, к которым по характеру своего труда наиболее приближается стенограф.

Да, не говорят. Но между трудом канцелярского работника и трудом стенографа есть ощутительная разница — труд стенографа более живой, более осмысленный, менее сухой и механический, чем труд канцработника. В канцелярском труде результат работы в очень малой степени зависит от того, кто эту работу выполняет — высоко одаренный человек с известным образованием или же человек, не обладающий особой одаренностью и образованием. В стенографическом же труде (особенно, в труде съездовых стенографов) качество людского материала, состав исполнителей имеет несравненно большее, почти решающее значение для конечного результата работы.

Если никто не скажет регистратору: «Вы хорошо (или плохо) зарегистрировали входящую бумагу», если никому не придет в голову оценивать качество работы делопроизводителя, то очень часты случаи, когда стенографу говорят: «Ваша стенограмма хороша, в ней не пришлось ничего исправлять» или наоборот: «Ваша стенограмма никуда не годится, она из рук вон плоха».

Это говорит о том, что к стенографической работе обычно подходят критически, ее качество привыкли оценивать, определять, взвешивать. Стенограф всегда должен быть на-чеку, он должен знать, что за плохую стенограмму с него спросят, он всегда должен держать равнение на высокое качество. Об этом одинаково должен помнить и съездовый стенограф, и стенограф-корреспондент, и стенограф-телефонист (радист). Для одного забота о высоком качестве будет тождественна с внимательным, умелым редактированием, для другого — со стремлением литературно обработать и быстро придать законченный вид наспех продиктованному письму, докладу, для третьего — забота о качестве будет обозначать максимальную напряженность внимания и слуха и в итоге — максимальную точность, и для всех — разумное отношение к записываемому тексту. Самым первым условием достижения хорошего качества является совершенно сознательное и добросовестное отношение стенографа к своей работе.

Чем, однако, объяснить то явление, что мы в настоящих условиях все-таки имеем иногда жалобы на качество стенографической записи? Чем объяснить сложившееся у многих мнение, что стенограф обязательно должен что-то перепутать, переврать? Отчасти этим довольно прочным представлением мы обязаны тем из наших ораторов, которые, не обладая достаточным красноречием и умением правильно строить фразы, привыкли всю вину сваливать на стрелочника — ругать не в чем неповинную стенографистку, которая-де, мол, все перепутала. Между тем, в семидесяти случаях из ста с таким оратором можно было бы применить поговорку «нечего на зеркало пенять, коли рожа крива».

Но даже отбросив в сторону несправедливые нарекания, выпадающие на долю стенографов всех категорий, мы все-таки должны будем признать, что есть немалая доля случаев, когда эти нарекания бывают справедливы. Не говоря о тех случаях, когда причиной их является низкая квалификация работников, следует сознаться, что нередко, особенно в пору большой перегрузки, причина лежит в нерадивом, небрежном отношении стенографов к своей работе. Очевидно, еще не все достаточно проникнись той мыслью, что каждый стенограф, небрежно или недобросовестно (что в данном случае одно и то же) относящийся к работе, мешает этим распространению стенографии и подрывает доверие к ней, сужевая, тем самым, поле применения своего труда и труда своих товарищей. С такими явлениями нужно бороться комитетам стенографов на местах, стараясь разъяснить членам коллектива необходимость сознательного отношения к делу, избегая чрезмерной перегрузки работников и т. д.

Если мы обратимся к другим факторам, играющим роль «качество записывающих», то мы увидим, что в те памятные годы, когда потребность в опытных стенографах была так велика, а их было так мало, качество стенограмм очень страдало от непосильной нагрузки и работы в 2—3 смены. Сейчас этот кризис стенографических сил потерял свою остроту. Непрерывный приток молодых сил, пополняющих кадры старых стенографов, дал возможность в крупных городах СССР увеличить число стенографов, работающих в смену, до 5-ти. Это мероприятие, имевшее своей целью, прежде всего, облегчить напряженный труд съездовых стенографов, несомненно, сыграло свою роль и в деле улучшения качества.

Возможно, что уже пора поставить вопрос о выделении в наиболее крупных коллективах съездовых стенографов специального

контролера, своего рода технического редактора, в обязанности которого входило бы наблюдение за деталями, хотя и не являющимися основными для качества стенограммы, но игнорирование которых сообщает стенограмме какой-то незаконченный вид. В нашей Харьковской практике мы имеем, например, факты чрезвычайно пренебрежительного отношения к цитатам, оглашаемым ораторами. Стенограф, не желая затруднять себя записыванием быстро цитируемого периода, в лучшем случае, приводит первые слова его, оставляя затем пустое место, а часто ограничивается просто лаконическим «читает». Нет надобности пояснять, как это отражается на цельности стенограммы. Такие пробелы, в большинстве случаев, вовсе не заполняемые, производят крайне неприятное впечатление «лысин» и разбивают цельность и связность речи. Точно также заставляет желать лучшего существующий порядок согласования смен. Часто бывает так, что конец одной смены не совпадает с началом другой, связь между ними отсутствует. Конечно, пришлось бы следить за всем этим самим стенографам, но это, обычно, не делается, да, правда сказать, иногда и сделать трудно бывает сгладить все шероховатости. Все это приводит нас к выводу, что в крупных коллективах введение в «бригаду» стенографов, работающих на съезде, одного контролера-редактора, ничего, кроме пользы, не принесет. Однако, и при наличии такого контроля, стенограф продолжает нести полную ответственность за свою стенограмму, за ее содержание и построение и ни в коем случае не может эту ответственность переложить на контролера. О том, откуда этих контролеров взять и как их оплачивать — в другой раз. Во всяком случае, необходимо, чтобы эти контролеры-редактора выделялись самими объединениями стенографов, и работодатели не несли никаких расходов по их содержанию.

Кроме того, комитеты стенографов на местах (если даже они отошли от т. н. «производственной» работы) должны обратить внимание на уточнение метода посылки стенографов на работу, как временную (съездовую), так и постоянную. Необходимо добиться такого положения, чтобы каждый работник использовывался наиболее рационально, чтобы он посылался на такую работу, которую по своим индивидуальным особенностям (знакомству с предметом, специальному образованию) он может выполнить с наилучшим успехом.

Для этого профессиональное объединение должно изучить, взять на учет каждого своего работника, и тогда оно будет точно знать, в каком месте работа данной единицы сможет дать наибольший эффект. Правильное использование каждого работника — также есть одно из основных условий достижения высокого качества работы.

Задачи, стоящие в области повышения качества перед стенографами Украины и других национальных республик еще осложняются тем, что государственный аппарат этих частей Союза постепенно во всех своих функциях начал пользоваться национальным языком данной Республики. На Украине, как известно, проводится украинизация, в Крыму — татаризация и т. д. Перед каждым работником государственного аппарата и, естественно, перед каждым стенографом во весь рост встала задача овладения языком и, что гораздо труднее, перехода к стенографированию на нем. Совершенно понятно, что в первое время запись речей на национальных языках не отличалась особенной правильностью и точностью, но в настоящий момент стенографы Украины и, насколько мне известно, Закавказья, с этой задачей уже в значительной мере справились и в дальнейшем им придется только углубить свое знание языка и усовершенствоваться в стенографировании на нем. На этом участке борьба за качество на протяжении короткого периода времени дала свои положительные результаты.

Непрестанно заботясь о лучшем качестве нашей работы, уделяя должное внимание мелочам, мы добьемся увеличения спроса на стенографов и расширим область применения стенографического труда.

Л. Гельфенбейн.

Несколько замечаний старого практика.

*(По поводу статьи Е. Скрыченко. «Переписанные руки») *).*

(В порядке обсуждения).

По поводу замечания т. Скрыченко в вышеназванной статье о том, что чем дальше, тем большее количество молодых стенографов заболевает так называемым «писчим спазмом», — беру на себя смелость утверждать, что, по моему глубокому убеждению, подтвержденному 20-летним опытом, случаев «писчего спазма», а тем более «переписанных рук» вообще не должно существовать при условии правильного подхода преподавателя к начинающему ученику.

Когда человек задумал учиться петь — учитель первым долгом «ставит» ему голос, и при правильной постановке такового часто небольшой голос развивается, расширяет свой диапазон и, наоборот, при неправильной постановке — несмотря даже на сильный и обширный голос — может получиться заболевание горловых связок, что заставляет ученика на время совсем бросить пение, а иногда голос и совсем пропадает.

Когда человек хочет изучить игру на фортепиано — опять-таки учитель первым делом «ставит» ему руки, т.-е. придает им правильное положение на клавиатуре, следит за тем, чтобы ученик играл со свободной кистью, без напряжения связок и мускулов всей руки и предплечья.

При верховой езде — то же самое: главное внимание удаляется правильной посадке, «сращению себя» на лошади. Наездник должен держаться свободно и легко и, кроме того, таким образом, чтобы облегчать лошади движение вперед и не мешать ей сзади и т. д., и т. д. во всех видах физических упражнений.

Что же мы видим при изучении стенографии, где быстрота, «верность» и легкость руки играют такую преобладающую роль? Быстрота может быть достигнута только при «верности» руки, верность — только при легкости и свободности выделывания самых иногда трудных и неудобных «выверток», необходимых при сочетании и сокращении стенографических знаков.

Наверное, всем приходилось наблюдать, как разно пишут стенографы на съездах. Возьмем двух стенографов одинаковой квалификации, обладающих одинаковой степенью автоматичности письма. Один пишет даже очень быструю речь так легко и спокойно, как будто вовсе не торопясь, «сращиво», если можно так выразиться; его рука движется вперед, еле касаясь бумаги, так что постороннему зрителю даже не приходит в голову, что это очень трудно и утомительно и что для этого нужно не только сосредоточенное напряжение внимания, но и безукоризненно послушная и неутомимая рука.

Другой пишет ту же речь с выпученными глазами, со страшно напряженной рукой (мы чувствуем, как ее тяжело перетаскивать со слова на слово), выдавливая слова на бумаге, крася по ней всей рукой и задерживая дыхание от напряжения. Зрителю тягостно смотреть на такую «работу» — ему кажется, что вот, вот стенограф не в состоянии будет заставить руку двигаться дальше и в изнеможении свалится со стула.

Может быть, в конечном счете передача речи получается одинаково хорошая у того и другого,— но кто из них скорее износится и надорвется? Для кого из них представляется большая опасность приобретения «писчего спазма»? Ответ совершенно ясен. Между тем при изучении стенографии как раз на постановку руки абсолютно не обращается никакого внимания. Ученик держит ручку чаще всего, как бог на душу положит, т.-е. как он привык писать со школьной скамьи, где, к сожалению, также не обращается никакого внимания на постановку руки.

---

*) См. «Б. С.» № 2/8 за 1925 г.

И надо сказать, — чаще всего ученик держит перо или карандаш таким образом, который исключает всякую возможность легкого и свободного передвижения руки по бумаге, а именно:

держит ручку чуть ли не около самого пера, при чем рука со всеми пальцами сжата судорожно в кулак и, начиная от пальцев и кончая локтем, давит на бумагу, крепко к ней прижимаясь.

Можно только удивляться, как не все пишущие таким образом заболевают «писчим спазмом».

Мне приходилось работать со стенографами, с которыми прямо-таки невозможно было писать за одним маленьким столиком (что часто бывает на съездах), так как весь стол трясся от неимоверно напряженного давления их руки.

При правильной же постановке руки, — повторяю, — при наличии нормально развитой, обладающей известной мускульной силой руки — 95% заболеваний рук, если не все 100%, должны отпасть.

В чем же состоит правильная постановка руки?

Представьте себе свою руку, как рычаг, точкой опоры которой является локоть. На этом рычаге рука, слегка опираясь на 5-й палец, свободно и легко должна скользить по бумаге вправо и влево.

Для этого необходимо:

1) Держать ручку или карандаш на известном расстоянии от конца, опирающегося на бумагу (3—4 сант.), и при «выписке» слов отнюдь не срывать всей рукой вслед за пальцами, а двигать только пальцами, соответственно отодвигая и придвигая к кисти 1—2—3-й пальцы.

2) 5-й палец должен опираться на бумагу не в «писчем» положении, касаясь всей своей плоскостью бумаги, а в «стоячем», или полустоячем положении, т.-е. касаясь бумаги только кончиком и оставляя, таким образом, свободное пространство между этим кончиком пальца и локоть до локтя, который обязательно должен удобно лежать на столе, а не свисать с него (смотри рис.)

Вот и весь фокус. Конечно, это легче описать, чем приучить себя к такому положению руки, особенно тем, кто уже привык к другому способу постановки руки. Многим моим ученицам мне приходилось «переставлять» руку, при чем в начале они все вопили: «Нет, я никак не могу, ничего не выходит, это так неудобно» — на что я неизменно отвечала: «Очень жаль. Но иначе я не берусь с вами заниматься». Затем, через некоторое время они сами же говорили: «Мы прямо не понимаем, как мы раньше хотели писать иначе. Теперь мы и обыкновенным письмом пишем так, и рука совершенно не устает».

Первое время, чтобы заставить 5-й палец находиться в стоячем положении (так как ученик, всецело занятый комбинированием букв и образованием слов, большей частью забывает о пальце, пока это не войдет в привычку) можно подкладывать что-нибудь под основание 5-го пальца, чтобы не дать ему возможности «лечь» — резинку, спичечную коробку, треугольную линейку и пр.

Итак — рука поставлена. Правильная постановка вошла в привычку. Рука не устает. Тем не менее, все дело снова может быть испорчено, если не придерживаться правила «тише едешь, дальше будешь» в смысле приобретения быстроты.

Это самое трудное препятствие, которое приходится преодолеть столько же ученикам, сколько и учителю, ибо, если первому при изучении стенографии нужны три вещи — «терпение, терпение и терпение», то учителю также необходимы три вещи, а именно «твердость, твердость и твердость», так как ученикам всегда кажется, что они недостаточно быстро продвигаются вперед, что учитель, вместо того, чтобы подталкивать их, как будто задерживает, не позволяя развивать такую скорость, на какую они уже чувствуют себя способными.

Но — увы! Как часто такая преждевременная скорость приводила, если не к «писчему спазму», то к искажению почерка, следствием чего была невозможность прочесть написанное и необходимость вернуться снова к более медленному темпу, к вырабатыванию почерка путем аккуратнейшего каллиграфического выписывания стенографических знаков.

Такое осторожное движение вперед необходимо именно по двум причинам: 1) дабы избежать порчи почерка и 2) переутомления еще недостаточно «зрелой», т.-е. послушной руки.

Если меня спросят, сколько рекомендуется писать без передышки под диктовку для приобретения скорости, то я скажу, что тут опять-таки необходим индивидуальный подход к каждому ученику в отдельности. Но строжайшим правилом для всех без исключения должно быть одно: как только ученик чувствует малейшую напряженность (чаще всего между кистью и локтем), он должен дать руке отдохнуть хотя бы несколько минут. При таком способе работы, чем дальше, тем через все более продолжительный промежуток времени ученик будет чувствовать это одеревенение.

При этом, конечно, играет большую роль и быстрота диктовки. Если, скажем, ученик только что достиг 80 слов, а диктовка будет на 90 слов, то он устанет минут через 10—15, а если ему же диктовать со скоростью 60 слов, то он устанет через минут 30. Поэтому полезно разнообразить быстроту диктовки, не диктуя исключительно с рекордной для ученика быстротой.

Переходить исключительно к диктовке рационально только при достижении уже известной степени автоматичности письма, причем даже в первый год практической работы крайне полезно дома медленно и каллиграфически, хотя бы 1/2 часа в день, переписывать те речи, которые приходилось записывать. Это предупреждает опасность порчи почерка, еще не успевшего установиться достаточно прочно за первый год работы *).

Last not least — последний мой совет молодым, только что окончившим курс стенографии — в течение, по крайней мере, первого года их практической работы не писать единолично заседаний по несколько часов подряд, если только этого можно избегнуть.

Стенограф б. Гос. Думы **М. Масленникова.**

Вредный уклон.

Последние данные работы Московской Биржи Труда являются чрезвычайно поучительными. Они дают ответ на вопрос о том, при каких условиях, при наличии каких знаний стенограф может поступить на службу.

Эти данные таковы: на бирже имеется свыше 100 безработных стенографов, не знающих ни машинописи, ни делопроизводства, ни секретарства, а число этих стенографов все возрастает. С 9-го февраля по 15 июля Биржей не получено ни одного требования на чистого стенографа, то-есть, стенографа без знания машинописи и делопроизводства. Все, посылавшиеся на экспертизу товарищи, независимо от их стенографической квалификации, прежде всего подвергались испытаниям по машинописи, причем эти испытания в конечном счете и решали вопрос о принятии или непринятии их на службу. За это время поступили на службу только те стенографы 2-й и 3-й категории, которые хорошо знали машинопись. Такое положение лишний раз подтверждает, что наш советский аппарат будет пользоваться стенографами только тогда, когда они еще будут машинистами, секретарями, делопроизводителями (на стенографисток-делопроизводителей за это время требований не было, но практика уже работ показывает, что делопроизводство очень часто сочетается со стенографией, напр., в НК РКИ имеются стенографистки-делопроизводители). Так было в Европе и Америке, так будет и у нас. И это вполне понятно, ибо стенографическая работа даже в крупных учреждениях эпизодична; следовательно, известное время у работающих в качестве только стенографов, должно неизбежно пропадать даром. Это нетерпимо ни в каком аппарате, тем более нетерпимо в нашем советском аппарате в условиях, когда требования социалистического строительства заставляют особо внимательно относиться к вопросам экономии, к расходам на аппарат. Итак, знание машинописи и делопроизводства необходимо для поступления на службу. Данные Биржи Труда не случайны, не временны и характерны не только для Москвы, они характерны для положения стенографического рынка труда вообще.

Цель этой статьи и сводится к тому, чтобы предостеречь учащихся стенкурсов и тех,

*) Вообще, упражняясь, рекомендуется писать преувеличенно легко, еле касаясь бумаги и без всяких нажимов, которые в скорости все равно отпадают. При письме карандашом следует очинить его очень остро (длина очиненного графита — 1 1/2 сант. при № НВ Koh-i-Noor), так как инстинктивная боязнь сломать карандаш при таких условиях заставляет ученика бессознательно не нажимать, а писать легко. Как только карандаш отупится — переменить на другой

которые в этом году поступят на стенкурсы, от возможности оказаться в таком же положении безработных. Учащиеся должны понять, что одна стенографическая скорость, даже такая большая, как 90 и 110, еще далеко не разрешает вопроса. Между тем, сейчас в этом отношении дело обстоит совсем не благополучно. Многие и многие учащиеся, неизвестно на что надеясь, скорее всего уповая на русское «авось устроюсь», отмахиваются от машинописи и корреспонденции и стремятся исключительно к тому, чтоб набрать стенографическую скорость. С этим, употребляя модное выражение, часто стенографическим уклоном надо решительно покончить.

Частично это объясняется просто незнакомством с фактическим положением стенографического рынка труда или ложным представлением о нем. В этом случае легче всего будет доказать необходимость серьезного изучения машинописи и делопроизводства. Здесь нужна только хорошо поставленная агитационно-пропагандистская работа: 1—2 доклада представителей Комитета на собраниях учащихся, параллелит, изображающих работу Бюро, статьи в стенгазете и хватит.

Но, конечно, несознательностью или незнанием объяснять всего нельзя. Есть много учащихся, которые великолепно сознают необходимость, обязательность изучения машинописи, но не могут изучать машинопись по соображениям материального порядка. Здесь уже только агитацией и пропагандой делу не поможешь, здесь необходима реальная поддержка и помощь учащихся. Надо Комитетам Стенографов и организациям учащихся настойчиво ставить перед Союзом, Профобром и Правлениями Курсов вопрос о предоставлении максимально возможного количества бесплатных мест для учащихся стенографов на курсах машинописи, об удешевлении платы за обучение в тех случаях, когда в учебный план курсов не включена машинопись и ей приходится обучаться на стороне за отдельную плату.

Что касается корреспонденции, то надо прямо сказать, что несерьезное отношение к ней со стороны учащихся объясняется зачастую не столько несознательным отношением, сколько не удовлетворяющей постановкой преподавания. На ВГКС, например, корреспонденция, как правило, сдается в один присест, а в течение года посещается очень слабо. Спросишь ребят, почему,—справедливо говорят — скучища, размазывает то, что сам же на 10 страницах написал. Правлениям курсов надо обратить самое серьезное внимание на преподавание корреспонденции, надо поднять его на должную высоту, и только тогда учащиеся будут относиться к этому предмету, как к действительно нужному.

Таким образом, выводы из работы Биржи Труда следующие: 1) учащиеся должны твердо осознать жизненную, а не формальную обязательность изучения машинописи, корреспонденции и секретарского дела. Нужно усвоить, что без машинописи и делопроизводства большинство товарищей поступить на службу не смогут. 2) Комитеты стенографов, в целях предупреждения роста безработицы, должны повести среди учащихся соответствующую агитационно-пропагандистскую работу и должны стремиться к тому, чтобы реально облегчить им возможность изучения этих необходимых дополнительных предметов. 3) Организации самих учащихся (профкомы, исполбюро, Комуч) совместно с Комитетом должны самым внимательным образом следить за тем, чтобы Правления курсов вводили бы не на словах, а на деле машинопись, корреспонденцию и секретарское дело в число преподаваемых предметов (как бы это ни им было невыгодно) и ставили бы это преподавание на должную высоту.

Вредный уклон в чистую стенографию, наблюдающийся в настоящее время, должен быть изжит и чем скорее, тем лучше. На известных стенографов, а стенографов, нужных нашему советскому аппарату и могущих найти в нем применение своих знаний, должны готовить стенкурсы.

М. Эрлих.

Предметно-методические комиссии должны подтянуться.

Начинается учебный год. Приступают к занятиям как новые группы учащихся, так и прошедшие уже теорию. Хотелось бы, чтобы в этом году педагоги воздержались от одного прискорбного и вредно отражающегося и на учебе и на самих учащихся явления: посредине учебного года, или вскоре после начала его, педагог показывает какое-нибудь правило, все учащиеся его усваивают, привыкают к известным опор-

тания, как вдруг педагог объявляет, что он узнал (или сам додумался) о прекрасной переработке, благодаря которой экономишь время в писании и достигаешь скорости чуть ли не втрое быстрее. Учащиеся преисполняются богатыми перспективами, да иногда и авторитет преподавателя играет тоже не малую роль, и ...переучиваются. Старое идет на смарку — время учебы растягивается. Бывают и такие случаи, когда казавшиеся хорошими нововведения потом бросались из-за непредвиденных впоследствии, но очень выявившихся затруднений.

Предметно-методические комиссии на курсах ничего не делают для устранения всех этих ненормальностей и не оказывают педагогам почти никакого влияния. Часто здесь имеет место и излишняя робость учащихся, членов предметно-методической комиссии, перед педагогами: как я, желторотый птенец в стенографии, буду давать преподавателю практические указания... Неудобно как то... В результате, больные вопросы не затрагиваются, и педагоги спокойно продолжают — «изобретать» и приносить «пользу» учащимся.

Предметно-методические комиссии с началом учебного года должны подтянуться в этом отношении. Кроме того, им не мешает вообще помнить, что они должны устраивать нечто, носящее название «собрания предметно-методических комиссий». На некоторых курсах они не собирались в течение целого учебного года ни разу. Комиссии должны работать, а не существовать на бумаге.

Учащийся.

„Муки творчества" и муки изучения.

(К вопросу о преподавании стенографии).

Ни в одной отрасли науки, искусства не существует, пожалуй, такого разброда, разнопонятицы, неясного и непроверенного, как в стенографии. Мы имеем здесь необычайное обилие систем и методов преподавания.

Унитарной у нас пока еще нет. Надеемся, что она будет. Но пока она рождается в муках, надо обратить серьезнейшее внимание на то, как поставлено преподавание стенографии на наших курсах, ибо здесь имеется налицо большая опасность.

Допущены к преподаванию известные системы в той или иной обработке. Но здесь получается чрезвычайно любопытная картина. Мы великолепно знаем, что каждый преподаватель стенографии не стоит на одном месте, он не дает своей системе «застыть», он ее беспрерывно улучшает, совершенствует, причем, конечно, он ее совершенствует так и в том направлении, в каком он, преподаватель, считает это целесообразным. Часто забывают о том, что «муки творчества» того или иного преподавателя ни в коем случае не должны претворяться в подлинные муки изучающих стенографию.

Почти каждый преподаватель беспрерывно дополняет и изменяет систему, по которой он преподает. Учащуюся, который только кончает курс стенографии, заместо незнакомых ей сочетаний, сокращений и пр., которыми дополнила свою систему данный преподаватель за эти несколько месяцев.

Но кто может поручиться за то, что все преподавателем выработанные изменения системы действительно целесообразны, действительно полезны, действительно упрощают систему, а не усложняют ее. Ведь все это — новое, непроверенное, неиспытанное, ведь контроля нет и фактически преподаватель преподает то, что он считает нужным. Изучающие стенографию делаются объектами экспериментов, которые — кто может поручиться — дадут ли нужные результаты...

Мы знали, что некоторые преподаватели стенографии слишком злоупотребляют сокращениями, забывая подчас, что излишнее увлечение ими может не привнести давать результаты, совершенно обратные тем, которых они добиваются.

Необходим контроль, необходимо, чтобы преподавание велось по данной системе в определенно установленной, известной обработке, чтобы всякие, какие бы то ни было изменения в системе вводились не одним преподавателем (как ему бог на душу положит), а после обязательного рассмотрения и утверждения этих изменений авторитетным стенографическим органом.

Без этого — разброд, производство всяческих экспериментов будут расти, а все это принесет только вред — и будущему поколению стенографов и развитию нашей стенографии вообще.

И. Зильберман.

ПРОФРАБОТА

Стенуголок.

(Практические указания).

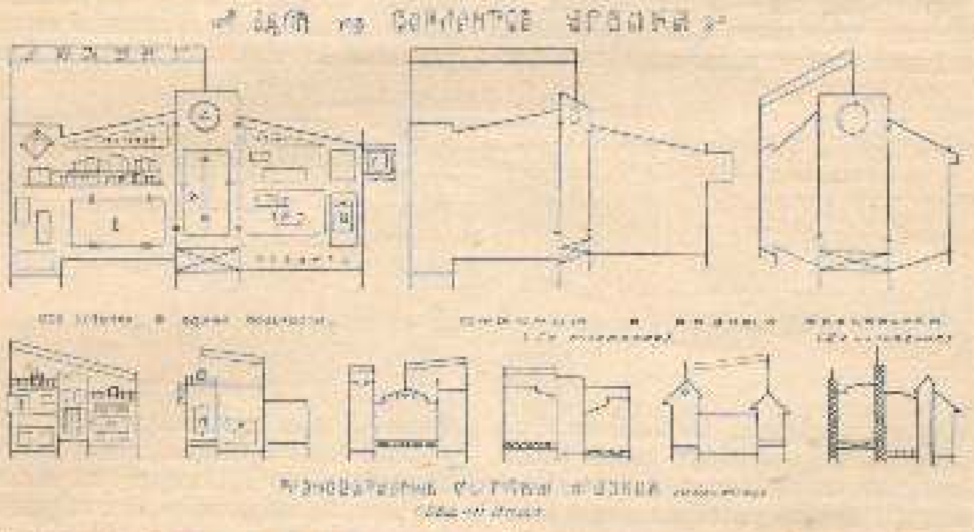
Тов. Агаронян дал в № 5—6 статью, указывающую с достаточной полнотой задачи, которые стоят перед комитетами стенографов в области культурной и агитационно-пропагандистской работы.

Нам неизвестно, как комитеты использовали полезные указания т. Агароняна, какие его советы были реализованы, каков эффект от того или иного проведенного мероприятия, ибо мы до сих пор еще не видели на страницах нашего журнала информации о достижениях местных стенорганизаций в данном направлении.

Также мы не видели ни отклика на эту в высшей степени дельную статью т. Агароняна, ни проработки отдельных моментов, которые намечены во множестве этой статьей и которые, ясно, в небольшой статье не могли быть проработаны до мелочей. А такая проработка нужна и важна может быть проделана до конца только при широком участии мест.

В своей статье автор уделил главное внимание стенной газете. Эта часть работы теперь уже, надо полагать, всем достаточно ясна. Кроме стенной газеты, мы имеем краткие указания и на ряд других методов агитпропработы, многие из которых являются или мало использованными или совершенно новыми.

Поэтому, рекомендуя еще раз просмотреть указанную выше статью, детально проработать, осуществить на деле все данные там советы, мы перейдем к практическому рассмотрению одного из поставленных тов. Агароняном вопросов — вопроса о стенуголках.

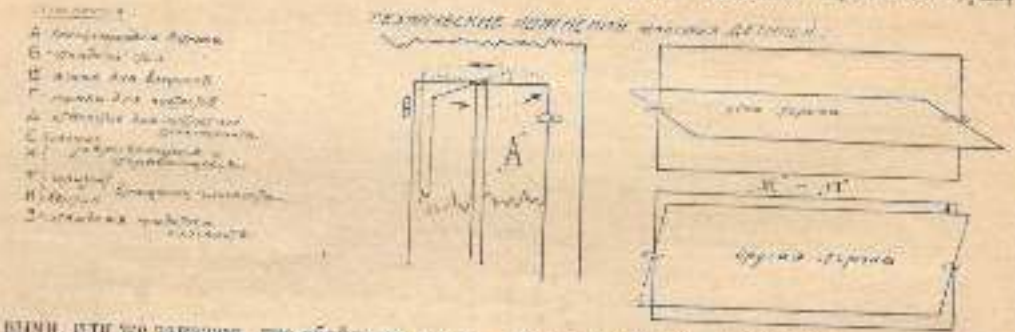


Прежде всего мы должны указать на то, что в настоящее время, когда нам приходится вести борьбу за режим экономии и против «режима экономии», когда попытка нашего стенцентра продвинуть вопрос внедрения стенографии в обиход совапарата путем декретирования не увенчалась успехом, у нас пока остается одна возможность — агитировать и пропагандировать стенографический труд, не уставая и не покладая рук.

Центральная стенкомиссия предпринимает ряд конкретных шагов по развитию агитпропработы, но, как об этом уже не раз говорили, без развития этой работы на местах, она многого не достигнет. В этом направлении места должны проявить особенную энергию и инициативу и развить местную работу до крайних пределов.

Одним из самых доступных развлечений и, пожалуй, самых удачных методов агитпропработы является организация стенуголков. Перед нами стоит задача, учитывая средства и возможности наших организаций, выбрать такой тип стенуголка, который бы стоил недорого, требовал небольшого места, был компактен, удобопередвигаем и в то же время — эффектен. Тот стенуголок, описание которого мы даем ниже, будет вполне отвечать этим требованиям.

Общий вид такого примерного уголка вы увидите на обложке данного номера журнала. Он делается из недорого стоящего и легкого по весу материала — фанеры (трехслойного дерева) *). Сделать его может кто-либо из коллектива, занимающийся или занимавшийся ранее выпиловкой, так как в этой работе нужно, главным образом, одно орудие, это — лобзик; планки, на которых укрепляется фанера и которые являются основой, можно или купить готовыми, или же заказать, что обойдется весьма недорого. Недорог будет такой уголок, если даже его заказать столяру или плотнику **). Как его делать, все детали технической работы вы усвоите из рисунков, данных к этой статье. А теперь мы перейдем к общему рассмотрению нашего примерного уголка, данного на обложке. Как вы видите, наш уголок имеет вид 4-створчатой этажерки, ставящейся на пол; створки могут принять любое положение — под каким угодно углом друг к другу и могут быть повернуты в любую сторону, что достигается скреплением их шарнирными петлями. Лучшая высота уголка — немного выше человеческого роста. Чтобы наш уголок был устойчив, занимал немного места и на случай переноски складывался внутрь, совпадал по размерам и сливались крайними крыльями (меньшего размера) со средней плоскостью (больш. размера), нужно эту последнюю делать в 2 арш., а крылья не больше 3-х, и сумма размеров крайних плоскостей должна дать размер средней большой плоскости. Это — основное конструктивное соображение для данного типа уголка. Что же касается возможных вариаций этого типа, то, как вы увидите из нашей иллюстрации, здесь может быть предоставлен большой простор для фантазии. На нашем уголке*) мы имеем: наверху, посредине, между выступающими концами планок, вписчий основной лозунг, сделанный из вырезных бумажных букв,



продетых через проволоку; левое крыло (с узкой боковой створкой) имеет наверху световой лозунг (транспарант) на наклонном выступе, закрытом со всех сторон, за которым помещается свет; на правом крыле имеется в среднем, наверху, вырезной круг, в одной своей половине — в виде шестерни, через который пропущено летящее гусиное перо, под этим кругом — два откидных кронштейна, на которых поставлен бюсты Габельсбергера и Штольце.

Как на особенность в техническом отношении укажем на откидной столик в средней створке, могущей складываться, совершенно сливаясь с основной плоскостью, и — на витрину (справ. крыло) с подвижными плоскостями (на петлях), также могущей слиться со всей плоскостью крыла. Остальное все понятно без особых пояснений — тут имеются: вешалки, ящик для вопросов и т. д. (см. иллюстрацию в тексте, стр. 25-ая).

*) Фанеру можно приобрести на лесоторговых складах или в магазинах со строительными материалами. Также можно употребить и фанеру с ящиков, в которые упаковывается чай, папиросы, кондитерские товары и т. п.; эти ящики можно очень дешево купить на складах, в магазинах или в лавках.

В крайнем случае, при особенно скудных материальных ресурсах фанеру можно заменить картоном.

**) В Москве заказ (вместе с материалами) обходится 40—50 рублей.

*) См. обложку.

Теперь немного внимания содержанию, которым следует начинать стенуголок. Самым целесообразным будет, если вы при подборе материала не будете разбрасываться, а возьмете 3 основных темы — 1) что такое стенография (ознакомление о-ва со стенографией), 2) что дает стенография (выгоды ее перед обычным письмом и преимущества владеющего стенописьмом перед невладеющим) и 3) литература о стенографии; соответственно этому подберите материал и расположите его на плоскостях. Тут же очень уместно расположить нашу стенную газету. Кое-где на свободных местах, конечно, с претензией на художественность, разбросайте лозунги, отзывы, цитаты, выдержки из печати и т. д. Одним словом, этот уголок должен представлять из себя сгусток разумной и психологически верной, по отношению к зрителю, агитации.

Такого рода уголок в то же время явится местной постоянной выставкой. Этот уголок не претендует на большую площадь, может установиться в любом свободном углах, и в любом положении створок, той или иной организации, может быть легко передвинут из комнаты в комнату, из одного помещения в другое, из одного района города в другой.

Так именно мы и рекомендуем использовать стенуголок: сегодня он в клубе отдела нашего союза, завтра — в рабочем помещении отдела, затем — в каком-либо местном хозоргане, на предприятии, межсоюзном нейтральном клубе и т. д., и т. д. При этом желательно, чтобы в известное время, когда можно ожидать наибольшего скопления зрителей, возле уголка был дежурный стенограф или учащийся, который давал бы нужные пояснения, в меру прибавляя к ним агитационное содержание. Хорошо было бы время от времени при этих уголках организовывать доклады и лекции. Необходимо также организовать учет проводимой работы при уголке (посещаемость, впечатления, вопросы, задаваемые дежурному, доклады, места, в которых ставился уголок, и пр.).

В крупных центрах полезно иметь 2—3 таких уголка. Организацию уголков должны взять на себя, в первую очередь, комитеты, при материальной поддержке отделов союза, а затем и курсы. Но последние не должны ни в коем случае придавать этой работе окраску рекламы — это будет только вредным для дела агитации стенографического труда. А успешное практическое разрешение вопроса о внедрении стенографии в наш рабочий аппарат — задача одинаково важная как для стенографизаций, так и для курсов.

Придавая большую роль стенуголку, мы не хотим сказать, что это—единственное орудие агитпропаганды, но безусловно,— весьма ценное и доступное всем нашим организациям.

Если при организации уголка у вас, товарищи, будут какие-либо неясности,— запрашивайте Ц. Комиссию. Также сообщайте о своей работе в данном направлении, взаимно делитесь своим опытом и достижениями через наш журнал, присылайте отчет о работе уголков, снимки и т. д.

Г. Темничка.

Многие наши читатели, не удовлетворяясь случайно получаемыми нами с мест сведениями о работе от того или иного коллектива, давно выражали желание видеть на страницах журнала обзор всех комитетов и объединений стенографов по СССР. Получаемые в настоящее время Стенкомиссией при ЦК ССТС отчеты комитетов и уполномоченных дают нам возможность начать детальный (насколько это позволяют данные отчета, не всегда удачно составленного) обзор с настоящего №.

К сожалению, ряд отчетов, несмотря на неоднократные письма Стенкомиссии, до сих пор не получены (Харьков, Баку, Саратов, Пермь, Житомир, Оренбург, Ярославль, Тифлис, Ташкент, Владивосток, Хабаровск, Чернигов, Симферополь, Артемовск, Астрахань, Тула).

Редакция надеется, что к выпуску следующего № н/журнала эти отчеты будут уже получены, что даст возможность поместить ряд таблиц, указывающих сравнительное распределение стенографов по городам, состояние зарплаты и т. п.

Редакция.

Наши стенколлективы в РСФСР.

Москва.

Московский Комитет стенографов — самая древняя и самая крупная из всех стенорганизаций СССР. Еще в 1917 г. образовалось Московское Стенографическое Общество, влившееся в 1919 г., в виде Стенсекции, в образовавшийся тогда Союз Совработников.

Внешние условия работы К-та — прекрасные: большая комната на Высших Государственных Курсах Стенографии, телефон, 1 технический и 2 освобожденных работника (председатель и секретарь), — все за счет Губотдела.

Но и при таком аппарате едва успеваешь обслужить огромную массу членов — 433 человека, из них 120 съездовских, 26 преподавателей, остальные — служащие.

Организационные достижения К-та — большие (недаром за плечами его целый ряд лет работы и борьбы): имеется делегатский корпус, в составе 70 человек, представляющий интересы не только крупных учрежденских коллективов стенографов, но и одиночек, объединенных по районам. Постоянно работают 3 комиссии: по охране труда, культурно-просветительная и экономкомиссия. Регулярно происходят заседания К-та и комиссий, собрания делегатские, общие, педагогов, съездовых стенографов... Членские взносы со всех стенографов получаются в К-те, но нужно сознаться, московские стенографы не любят платить во-время. Имеется самостоятельная касса взаимопомощи при К-те с оборотным капиталом в 2.500 руб. и с 187-ю членами.

Посредбюро уже с 1924 г. совершенно отделено от К-та, работая под непосредственным контролем и в помещении Биржи Труда и имея свой солидный штат работников: заведующую, заместительницу заведующей, делопроизводителя, инкассатора, кассира (бюро содержится за счет 10%-х начислений на счета). Распределение работ между стенографами поставлено прекрасно — на основе выработанных в свое время в К-те правил. Зато совершенно отсутствуют мероприятия по охвату рынка, по получению работы, кроме той, которая сама поступает в бюро, вследствие чего много работы попадает в руки неорганизованных групп стенографов, учащихся, не членов союза и т. п. А заняться этим не мешает, ибо кадр съездовых все растет, спрос же понижается. В результате вместо 250 р. среднего месячного заработка съездового стенографа за прошлый год, мы имели 188 р. в этом году при оплате стеночаса в 10 р. без переписки стенограммы.

Неплохо обстоит с охраной труда и с защитной работой: соцстрах с 1924 г. распространен на съездовских стенографов-сдельщиков, ежегодно К-т получает места в домах отдыха и санаториях на общих со всеми месткомами основаниях, причем, кроме этого, часть стенографов направляется в дома отдыха по линии учреждений, где они

служат. Производилось и теперь намечено вновь профессионально-медицинское обследование труда стенографов. Обследована работа стенографов в учреждениях, но слабо принимаются меры к устранению замеченных ненормальностей. Благодаря тесной связи со своими членами и делегатами, К-т во-время узнает о всех конфликтах стенографов в учреждениях и принимает энергичное участие в их разрешении.

Не совсем ладно с тарифно-экономической работой: стенографы оплачиваются на местах весьма пестро — от 75 до 160 руб., при чем все оклады свыше 120 руб. являются окладами с нагрузкой и спецставками — явление ненормальное. Слабо борется К-т и со столь излюбленными к работодателями и самими стенографами —сверхурочными работами. Последние подчас вызываются нерациональным использованием стенографов (отсутствием бюро в учреждениях и т. п.), и тут экономкомиссия К-та, еще слабо усвоившая себе свои функции, должна сказать веское слово. Почти отсутствует охват стенографов индивидуальными договорами, —отчасти, но только отчасти причина лежит в поздней выработке ЦК типовых договоров.

Совсем плохо с культработой — за исключением начавшей выходить регулярно стенной газеты — и распространения журнала «В. С.» — нет никаких достижений. Трудно собрать разрозненную массу, трудно заинтересовать стенографов. Сейчас зачинается организация стенуголка и различных кружков при Центральном Клубе и/союза. Если стенуголок даже не изменит стенографов к культработу, то, несомненно, сыграет агитпропагандистскую роль. И то хорошо, ибо до сих пор пропаганда за внедрение гибштруда К-том совершенно не велась. А ведь от нужна — уже свыше 200 безработных имеется на Бирже Труда.

Стенобразование доставляет немало хлопот К-ту — в Москве, не шутка, 12 курсов стенографии, насчитывающие около 3.000 учащихся (в том числе 2 государственных, 1 — союзные, остальные — частные). Участие в установлении экспертизы на всех курсах, обследование их и постоянное наблюдение за постановкой дела, — принимал во внимание довольно безучастное отношение Моспрофобра к этому делу, — отнимает массу времени и энергии. Формально Испытательная Комиссия по производству съездовского экзамена и экзамена на педагога перешла в ведение Моспрофобра, но фактически все хлопоты остались на К-том.

Научной работы К-т не ведет, поскольку в Москве имеется Московское Научное Стенографическое Общество.

В общем рамках работы огромный, фундамент крепкий, но некоторые отрасли работы — тарифно-экономическую и агитпропагандистскую — необходимо подтянуть.

Ленинград.

Ленинградский Комитет объединяет 101 стенографа, из них 28 съездовских и 12 педагогов. Недостаточно хорошие материальные условия К-та (лишь с начала 1926 г. имеется один освобожденный работник-секретарь) и довольно позднее для Ленинграда организация Комитета (2/XI—24 г.) не дали возможности развернуть работу так, как подобает этому самому крупному после Москвы стенообъединению. Но с конца 1925 г. мы видим огромный сдвиг: для усиления недостаточной связи со служащими стенографами организован Делегатский Корпус, приступлено к заключению тарифных соглашений, произведено обследование труда служащих стенографов.

Оплата служащих еще более пестрая, чем в Москве: от 65 до 190 р.

Посредбюро все время работало при К-те, но не переплелось с общепрофессиональной работой К-та, имея специальный штат для своего обслуживания. Работа Посредбюро хорошо поставлена, но имеет те же минусы, что и в Москве по охвату рынка. В настоящее время Посредбюро передается в ведение Отдела Труда. Средний заработок стенографов съездовских — 125 руб. Оплата за стеночас — 12 р. при незадешевленной расшифровке, без машинки, и 10 р. с последующей расшифровкой, включая машинку.

Культкомиссия фактически превратилась в научную и ведет солидную работу. Испытательная Комиссия проводит решительно все испытания и сумела поставить дело установления квалификации на большую высоту (более подробные сведения о работе Комиссий и К-та вообще см. в № 5—6 за 1926 г.).

В Ленинграде — 5 курсов с общим количеством около 1.500 учащихся, наблюдение за которыми сейчас налаживается.

Удивляет, что такой коллектив, сумевший провести сокращ до постановления центра (с 1/I—с. г.), не добился мест в домах отдыха и санаториях. Не умеет К-ту также наладить агитацию за внедрение стенотруда.

К-т существует вместе с бюро на 6% начисления на счета, имеет денежно губбюджета. Несомненно у Комитета большое будущее.

Рязань.

Тяжело положение стенографов в Рязани: в городе совершенно нет штатных стенографов, а съездовская работа бывает так редко (посмотры на низкую ставку — от 3 до 5 руб. за час, включая переписку стенограмм), что нет возможности даже указать на какой-либо средний заработок съездового стенографа, словом, почти полное отсутствие применения стенотруда. Вот почему и состав объединения довольно странный: из 24 стенографов — 6 членов других союзов и 13 членов н/союза, при чем все работают на постоянных местах не со специальности, и 5 безработных, не-членов союза.

Конечно, есть от чего притти в отчаяние, но все же непонятно, для чего существует Комитет, если он не ведет, или не может вести никакой работы: в городе были 2 временных курсов (около 75 учащихся) и выпуск учащихся был сделан помимо Комитета, «даже без уведомления его»; было постановление общего собрания — создать кружки для подъятия квалификации, но не проведено в жизнь; научная комиссия существует на бумаге; нет никакого спроса на стенотруд, но нет и никаких мероприятий со стороны Комитета, чтобы вызвать интерес к стенографии, хотя бы путем практикантства. Наконец, очень важное значение для внедрения стенографии имеет качество стенограмм, а квалификация рязанских стенографов совершенно не установлена; и определяется, очевидно, на глазок, пишут ли они 40—50 слов (квалификация, данная временными курсами стенографии в г. Рязани) или 110,—неизвестно и им самим. Комитет не смог добиться поддержки союза и не имеет никаких средств к существованию, кроме 5% отчислений со стенографического заработка своих членов — явление, конечно, ненормальное. Нужно, очевидно, или встряхнуться и добиться «признания», или ликвидироваться.

Курск.

Курский Комитет существует лишь с 14/XII—25 года и с самого начала имеет освобожденного работника и 1 технического, ведущего распределение на съездовую работу. Содержится Комитет на 10% начисления по счетам на стенотруд и, кроме того, имеет 15 р. в месяц дотации от Губотдела.

Комитет объединяет 31 члена, все 110-словники, которые называются «съездовыми»; из них 2 преподавателя, 10 человек на постоянных местах — это указывает на то, что стенография внедрена в Курске, часть из них совмещает эту работу со съездовой, 9 человек только на съездовой работе. На постоянном месте стенографы получают от 50 до 80 руб., средний месячный заработок съездового стенографа — 50 руб... Оплата стенчаса — 3 р. 85 к. днем и 7 руб. 70 к. вечером, включая переписку.

В городе имеются государственные курсы с 208 учащимися, наблюдение за которыми Комитетом ведется.

Хорошая материальная база Комитета и довольно широкое применение стенотруда в Курске дают право думать, что эта молодая организация сумеет развернуть свою работу, и такие большие проблемы в своей работе, как неохват служащих договорами, допущение сверхурочных работ без оплаты их, отсутствие стенгазеты, слабое распространение журнала «Вопросы Стенографии».

Пенза.

Пензенский К-т стенографов, организованный в январе 1925 г., с февраля т. г. реорганизован в объединение, возглавляющее уполномоченным, так как всего в объединение входит 6 съездовых стенографов (с квалификацией 100—105 слов) и 2 преподавателя; кроме того, 11 человек взято на учет. Штатных стенографов в Пензе не имеется, на съездовых работах стенографы зарабатывают в среднем 35 руб. в месяц, получая 5 руб. за час при последующей расшифровке и 6 руб. при немедленной. Спрос на стенотруд, хотя и незначительный, но повышающийся сравнительно с прошлым временем, причем иногда поступают предложения работать и уездах. Все стенографы состоят членами кассы взаимопомощи при союзе.

Были курсы стенографии Губпрофобра, но в настоящее время на курсах осталось всего 11 человек, и они занимаются с преподавательницей на дому. К сожалению, профуполномоченный и преподаватель этих курсов одно и то же лицо, что исключает возможность объективного наблюдения за стенообразованием.

Делаются доклады о значении стенографии, изредка вопрос этот освещается в прессе, но журнал «В. С.» слабо распростра-

вен. Стенографы прикреплены к клубу, но насколько они влились в работу — неизвестно.

В прошлом году стенографы имели два бесплатных места для экскурсии по Волге, но в этом году этого достижения объединение лишилось. В общем, по отчету Пензенского объединения трудно судить об их достижениях в области профессиональной работы, — по, повидимому, достижений немного, что объясняется в значительной степени тем, что кадрами очень маленький — «в учреждениях стенографам не внедрена».

ПАМЯТИ Э. Ф. ШПЕРЕРА.

В ночь на 10-е сентября в г. Харькове после продолжительной болезни скончался на 28-м году жизни Эрнест Феликсович Шперер, один из наиболее крупных деятелей харьковского стенографического мира. Эта безвременная кончина глубоко поразила и опечалила всех стенографов Харькова, среди которых покойный пользовался заслуженным уважением и авторитетом.

Э. Ф. Шперер изучил стенографию в 1919 году и в начале 1923 года вступил в ряды съездовых стенографов Харькова, где и работал до конца, неизменно оставаясь ценным работником и хорошим товарищем. В период собирания распыленных стенографических сил покойный принимал в этой работе активное участие и после создания профессионального объединения стенографов в Харькове все время занимал в нем выборные должности, руководя, в частности, работой научно-стенографической комиссии. В 1925 году Э. Ф. был делегирован от Харькова на 1-ю Всесоюзную Конференцию Стенографов, и его выступления на конференции привлекали к себе общее внимание.

Э. Ф. Шперер

Будучи очень добросовестным и строгим к самому себе работником, он и к другим предъявлял такие же строгие требования. Его статья, помещенная в № 2 (9) журнала «Вопросы Стенографии», навсегда останется одним из лучших определений тех качеств, которыми должен обладать съездовой стенограф.

Обратившись в начале 1925 года к преподавательской деятельности, Э. Ф. на этом поприще оказался таким же добросовестным и серьезным педагогом, как и съездовым стенографом. В отношениях с учащимися он сохранил свое врожденное чувство такта и ту особую чуткость, с которой он всегда умел подходить к людям, благодаря чему и снискал со стороны учащихся любовь и глубокое уважение. В последнее время перед болезнью покойный служил в Госплане УССР, совмещая эту работу с преподаванием на Госкурсах стенографии.

Стенографы Харькова, ценившие его как прекрасного товарища, незаменимого работника и редких душевных свойств человека, глубоко скорбят об этой безвременной утрате.

Всегда чуткий, всегда на редкость отзывчивый, всегда надежный и преданный друг, он вечно будет жить в памяти тех, кто знал его при жизни.

Л. Гельфенбейн.

Древне-египетский контракт с преподавателем стенографии.

В № 30 «Pitman journal of commercial Education» за 1926 г. приведено очень интересное сообщение, взятое из недавно появившейся в Англии книги: «Egyptian Papyri and Papyrus-Hunting». Автор этой книги Джемс Бейх приводит контракт, на основании которого фараон Панишут отдает своего раба в учение «быстрописцу» Аполлониусу.

Документ гласит:

«Панишут, именуемый также Пакаресом, через друга своего Геметуса приветствует быстрописца Аполлониуса... Я хочу отдать тебе раба своего Шерамона для руководства в знаках, которыми владеет сын твой Дионисий. Именно в течение 2-х лет, начиная с сего месяца, Фаменота 18-го года царствования государя Антония Цезаря, за условленную между нами плату в 120 серебряных драхм, не включая сюда праздничные дни. Из этой суммы ты получил уже первую часть в 40 драхм. Вторую часть, тоже в 40 драхм, ты получишь, когда юноша изучит всю систему, и третью к концу упомянутого срока, если юноша во всех отношениях сумеет плавно писать и безошибочно читать. Если ты его в течение этого времени обучишь, то я, возможно, и не буду ждать точного истечения указанного срока для уплаты. Однако, для меня совершенно неприемлемо взять обратно юношу до истечения времени. И он должен оставаться у тебя сверх указанного срока столько дней и месяцев, сколько он у тебя пропустил, не работая. 18-го года государя Цезаря Элия Адриана Антония Августа Пия 5-го числа месяца Фаменота».

Таким образом, документ относится к 155 году до Р. Х., т. е. ему уже 2061 год.

О стенографическом рабочем движении в Германии.

Рабочие стенографические союзы систем Штольце-Шрей, Стенотахиграфии, национальной стенографии (Куновского) и Неймановский межсистемный союз объединились 4 апреля 1926 года в Магдебурге и образовали «Arbeiter-Stenographenverband für das deutsche Sprachgebiet» (немецкий рабочий стенографический союз), примкнувший к государственной унитарной системе (DKS).

Только рабочий союз по системе Арендса упорно держится своей системы.

(см. «Deutsche Stenographenzeitung» № 9 стр. 167).

Новейшая стенографическая машина, как техническая сенсация привлекала всеобщее внимание на последних весенних заседаниях Лиги Наций. Возле ораторской кафедры стояла небольшая пишущая машинка с 24 клавишами, остальное ее устройство было скрыто от любопытных глаз покрышкой, под которую через окошечко заглядывала пасавшая на машинке секретарша. Последняя работала, как пишет «Deutsche Stenographenzeitung» в № 7 за 1926 г., с большой умственной концентрацией, но по виду без видимого усилия и, как бы играя, следовала за оратором. Результаты работ этой машины, повидимому, вполне удовлетворительны, но некоторый шум при работе мешает применению машинки в небольших собраниях. Однако, в большом зале заседаний Лиги Наций шум был для далеко сидящих совсем неслышен. Речь идет о французской степ-машине Гриво-Стенофил (Grivot Stenophile), недавно усовершенствованной.

В других странах также с успехом применяются подобные машинки, напр., Мичела в итальянском сенате, где уже десятилетия стенографируют исключительно машиной.

В Германии Габельсбергерианец Отто Аутенрид (Otto Autenried) проделал интереснейший опыт приспособления к машине стенографических методов сокращения слов (замена слова его началом, корнем и т. д.). Его машина «Урания-Стено», якобы, может работать совершенно бесшумно и дать скорость в 300 и больше слогов в минуту. Стенограмма в ней получается в виде обычных букв, особым образом расставленных и снабженных условными значками. Чтобы дать представление о стенограмме этой машины, приведем выдержку из № 9 «DSZ» вместе с текстом, который выражен ею:

1ßzt nn u/ga-kv,u nöga-u-ö/ wed.köwb. - „gr.

Eöa2H rt ls 3a-3 ua a,r qs,1.er,zsa n0

Перевод:

In unserer Zeit, die die Anspannung aller Kräfte und Anwendung aller Mittel verlangt, um bei der Kundenwerbung einen durchgreifenden Erfolg zu haben, bietet die «Urania-Steno» als einzige Maschine die besondere Note, die sie ihren Briefen zu geben wünschen.

Чтение стенографической литературы.

Большая ежедневная газета «Chemnitzer Tageblatt» по воскресеньям дает приложение, напечатанное стенографически. Приложением имеет целью удовлетворять потребность читателей в злободневном связном материале для упражнений в расшифровке стенограмм. Ведет этот своеобразный стенографический отдел в широкораспространенной газете доктор R. Arnold по немецкой унитарной системе.

Ответственный редактор Р. Вексман.

Издатель ЦК ССТС.

СОСТОЯЩИЕ В ВЕДЕНИИ МОНО

1-е КУРСЫ СТЕНОГРАФИИ и МАШИНОПИСИ

(бывш. НЕЧАЕВОЙ)

Страстной бульвар, дом 4, кв. 82. Телефон 5-29-00.

ЗАНЯТИЯ ДНЕВНЫЕ И ВЕЧЕРНИЕ.

Прием ежедневно от 10 час. утра до 7 час. вечера.

Цена 35 коп.

12 НОМЕРОВ В ГОД! — ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО!

4-й ГОД ИЗДАНИЯ — ЕЖЕМЕСЯЧНИК

ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ

Орган ЦК Профсоюза Совпорслужащих, посвященный пробдемам стенографии

НА **1926** ГОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА **1926** ГОД

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на год (12 номеров) — 4 рубля, для учащихся — 3 рубля, с пересылкой; на полгода (6 номеров) — 2 рубля, для учащихся — 1 рубль 50 коп.; на четверть года (3 номера) — 1 рубль, для учащихся — 75 копеек.

ПРИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПОДПИСКЕ:

на 1 год не менее 10 экземпляров делается скидка на 15%.

ПРОБНЫЙ НОМЕР — 25 КОПЕЕК.

ОСТАВШИЕСЯ НОМЕРА:

2 (1923 г.), 2/4, 3/5, 4/6 (1924 г.), 1/7, 2/8, 3/9, 4/10 (1925 г.) — по цене 25 к. с пересылкой

ОБЪЯВЛЕНИЯ:

1/2 страницы — 30 руб., 3/4 — 25 руб., постоянной клиентуре и заказчикам объявлений более полстраницы — скидка

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:

ЦК Совпорслужащих, Москва, Солянка, 12, Дворец Труда, Комн. 324 телефон 1-70-80 доб. 89 совпорг.

СПЕШИТЕ С ПОДПИСКОЙ! — ТРЕБУЙТЕ ПРОБНЫЙ НОМЕР!

Состоящие в ведении МОСПРОФОБРА

ЗАМОСКВОРЕЦКИЕ КУРСЫ СТЕНОГРАФИИ и МАШИНОПИСИ

Преподав. Курсов Стенографии: по системе Габельсбергера — Ермолаева, П. В., Подколзина, Н. И., по системе Сапожко — Садыкова, Н. П. и Е. Селезнева.

ЗАНЯТИЯ УТРЕННИЕ, ДНЕВНЫЕ и ВЕЧЕРНИЕ.

Начало занятий новых гр. по стенографии в сентябре — октябре, феврале — марте.

Канцелярия для записи и выдача справок открыта от 11 до 2 и от 4 до 9.
Серпуховская площадь, Житная, 2.

Главлит № 62807 — Тираж 2000.

«Мосполиграф», типо-цинкография «Мысль Печатника», Петровка 17.